

БЕЛЫЙ ШАНХАЙ

ЭЛЬВИРА БАРЯКИНА

16+

Грозовая эпоха

Эльвира Барякина

Белый Шанхай

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Барякина Э. В.

Белый Шанхай / Э. В. Барякина — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Грозовая эпоха)

В Китае в начале XX века белые люди считались непобедимой высшей расой. Но русские, как всегда, все испортили. Когда в Шанхай прибыли обездоленные белогвардейские беженцы, колониальная система, основанная на расизме, затрещала по швам. Клим Рогов, бывший журналист, понимал, что у “низвергнутых богов” мало шансов на успех, но ему некуда было отступать: он должен был заново отстроить свою жизнь и вернуть любимую жену Нину.

Содержание

Глава 1. Эмигранты	6
1	6
2	8
3	11
4	15
Глава 2. Дом надежды	17
1	17
2	18
3	20
4	23
5	25
6	27
Глава 3. Чужаки	28
1	28
2	30
3	32
4	35
Глава 4. Американский адвокат	36
1	36
2	38
3	40
4	42
5	43
6	45
Глава 5. Голубой экспресс	46
1	46
2	48
3	50
4	51
Глава 6. Бывшие супруги	54
1	54
2	57
3	59
4	61
5	62
6	64
Глава 7. Драка в ресторане	65
1	65
2	66
3	67
4	68
5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Эльвира Барякина
Белый Шанхай
Грозовая эпоха. Книга 2
Роман о русских эмигрантах в Китае

Официальный сайт Эльвиры Барякиной – <http://baryakina.com>

Copyright © 2008–2017 Elvira Baryakina

ISBN-10: 0983847770

ISBN-13: 978–0983847779

СЕРИЯ «ГРОЗОВАЯ ЭПОХА»

КНИГА 1. Аргентинец

КНИГА 2. Белый Шанхай

КНИГА 3. Князь советский

Глава 1. Эмигранты

1

1922 год

Нина Купина мерила шагами проржавевшую палубу беженского корабля и зубрила английские глаголы: *to come* – приходить; *to see* – увидеть; *to win* – победить.

Ледяной ветер насквозь продувал её вылинявшее пальто, но Нина не возвращалась к себе в «каюту» – в отгороженный одеялами подъемник, некогда перевозивший грузы в трюм и обратно. Там Нинины соседки принимали роды у какой-то несчастной девочки.

Вот уже несколько недель две тысячи белогвардейцев томились на кораблях в двенадцати милях от Шанхая – местные власти запретили беженцам приближаться к городу. Представители китайского губернатора, Французской концессии и Международного поселения выразили им соболезнования по поводу проигранной гражданской войны и вынужденного бегства из России... и на всякий случай прислали военный корабль, который взял русских под прицел. Весьма разумная мера предосторожности: а то кто знает, вдруг они с отчаяния пойдут в атаку на мирный Шанхай? В трюмах у русских было полно оружия, и его вполне хватало для небольшой войны.

– Нина Васильевна, вот вы где! – раздался гулкий бас. – А я везде вас ищу.

Отец Серафим – огромный, со спутанной светлой бородой – спешил к Нине, придерживая на ходу ворот фуфайки, не сходявшей на его мощной шее.

– Нам надо нарисовать рождественскую елку на стене у кают-компаний. Сможете? Пусть у детей будет хоть какое-то подобие праздника.

Отец Серафим дал Нине кусок угля, и она поднялась по обледелому трапу на верхнюю палубу, запруженную народом. Мужчины мололи рис на самодельных ручных мельницах; женщины стирали. Ветер трепал штаны и пелёки, сохнувшие на зачехлённых стволах орудий. С кормы доносилось глухое пение священников – там готовили к погребёнию женщину, умершую от пневмонии.

Нина оглядела рыбачьи лодки у стен древней сторожевой крепости и низкие берега, присыпанные снегом, розовым в свете закатного солнца. Вдали поблёскивали огни города, куда могли зайти все, кроме русских.

Внезапно из приоткрытого иллюминатора донёсся голос Клим Рогова, Нининого мужа. В юности он недолго жил в Шанхае и теперь собирал беженцев в кают-компаний и делился с ними тем, что знал о Китае.

Нина из гордости делала вид, что её не интересуют эти собрания. Всё-таки неудобно сначала послать мужа к черту, а потом прибегать к его услугам.

– По бумагам Китай – независимая страна, – рассказывал Клим, – а на деле – почти колония Великих Держав: Великобритании, Франции, Италии, Соединённых Штатов и Японии. Китайцы потерпели поражение во всех войнах с колонизаторами, и те заставили их подписать неравноправные договоры. В результате белые получили неслыханные привилегии и низвели местных жителей до положения «не вполне людей». Китайских слуг, даже пожилых, называют «боями» – «мальчиками» – и дают им номера: бой номер один, номер два, номер три и так далее.

Нина украдкой заглянула в иллюминатор. Люди слушали Клим, боясь пропустить хоть слово. Они хоть и мечтали о Шанхае, но до стылого ужаса боялись его. Мало кто из них знал иностранные языки; большинство мужчин не владели никакими профессиями, кроме воен-

ных, а женщинам и вовсе непонятно было, на что рассчитывать: их-то готовили только к супружеству и материнству.

Клим выглядел усталым: тёмные густые брови были нахмурены, широкие плечи странно горбились. Но он, как всегда, пытался шутить над обстоятельствами:

– Сомневаюсь, что братья-христиане позволят нам умереть у них на глазах. Они же не хотят, чтобы к ним по ночам являлась целая армия призраков, жаждущих мести? Так что рано или поздно нас впустят в город.

Нина отступила от иллюминатора. Здесь, на корабле, она, по крайней мере, могла рассчитывать на еду. А что с ней будет, когда им позволят сойти на берег?

Нина уверяла себя, что без труда найдёт другого мужчину, но с недавних пор её стали одолевать сомнения. Кому нужна вечно голодная двадцатипятилетняя дамочка в обносках? Это в прошлой жизни, до революции, с нее можно было рисовать Царевну Лебедь, а сейчас – разве что Гадкого Утенка.

Единственной ценной вещью, оставшейся у Нины, был револьвер, который она забрала у Клим, чтобы он, не дай Бог, не пустил себе пулю в лоб.

Хмурясь и дуя на озябшие пальцы, Нина принялась рисовать елку, но вместо праздничной картинке у нее получилось нелепое чудовище, похожее на гарпун с заостренными зубцами. За что бы она ни бралась в последнее время, у нее все валилось из рук.

Незадолго до отплытия из Владивостока Нина подхватила тиф, и в бреду ей постоянно мерещилось, что они с Климом живут под мостом и роются по помойкам в поисках еды. Они оба знали, что ему не найти хорошую работу: кому в Китае нужен журналист, который умеет писать только по-русски и по-испански? В английском у Клим было слишком много ошибок, а на шанхайском диалекте он мог разве что торговаться на базаре.

– Что-нибудь придумаем! – уверял Клим Нину. – Я уже однажды начинал с нуля в Аргентине...

Но Нина не слушала.

– Я не могу ждать, пока ты встанешь на ноги!

Однако чем дольше беженцы сидели на кораблях, тем чаще Нина жалела о своем решении. На кого она могла променять Клим? Кто мог сравниться с ним? Он был умен, предприимчив и талантлив; на него всегда можно было положиться...

«Неужели я действительно сошла с ума из-за тифа?» – думала Нина. Ей доводилось слышать, что после сыпняка у многих расшатываются нервы. В России половина людей переболела тифом – и, верно, это была одна из причин их безумной жестокости друг к другу.

Нина вновь заглянула в иллюминатор. Клим нарисовал карту Шанхая на куске оберточной бумаги и объяснял слушателям, где находятся рынки, вокзал и русская православная церковь, единственная на весь город.

«Нам надо помириться, – решила Нина. – Я подожду, пока они закончат, и поговорю с Климом».

Но примет ли он её? Сама Нина никогда бы не простила мужа, если бы он бросил её в беде. А ведь тогда, во Владивостоке, ему было ещё труднее, чем ей: он вынужден был не только кормить себя и её, но и выхаживать Нину, когда она заболела. О, Господи, как она могла быть такой неблагодарной?

Наконец собрание окончилось, и слушатели вышли на палубу.

Нина хотела подойти к Климу, но он стремительно прошел мимо, делая вид, что смотрит в другую сторону. К её ногам упала карта города, которую он нарисовал.

Нина подняла её и долго разглядывала. Клим сделал это нарочно? Он ведь знал, что ей больше некому помочь.

2

Спустились сумерки, и на лодках у пристани зажглись круглые бумажные фонари. Китайские рыбаки жили прямо на сампанах: тут же спали в шалашах, сооруженных из досок и тростника, тут же готовили в маленьких закопченных котелках.

Постепенно палуба русского парохода опустела – беженцы отправились спать, а Нина все стояла у борта, поеживаясь на ветру. К ней подошел Иржи Лабуда – невысокий сероглазый паренек с ярко-рыжими волосами и множеством конопушек на носу. На правой руке у него не хватало трех пальцев.

– Мадам, хотите, я вам зажигалкой посвечу, а то в коридорах темно, упасть можно.

Нину смешило стремление Лабуды услужить ей. Она спасла его от разъяренных казаков, когда те обвинили Иржи в воровстве хлеба. Они решили повесить его в назидание остальным, но Нина показала им на дырки в мешке, сделанные крысами, и маленького чеха отпустили.

Иржи ощущал себя чужаком среди русских – непонятным и никому не нужным – и был страшно рад, что Нина взяла его под крыло. Он рассказал ей, что когда-то ему прочили блестящую карьеру виолончелиста и он готовился поступить в Венский филармонический оркестр. Но началась Мировая война, его призвали в армию, и после ранения Иржи попал в лагерь для военнопленных под Самарой. Там он выучил русский язык; каким-то ветром его прибило к флотилии белогвардейцев, но теперь Иржи сам не знал, куда и зачем он ехал.

– Пойдемте спать, – позвала его Нина, но он не двигался с места, напряженно вглядываясь в темноту.

Нина повернулась и вздрогнула: к пароходу приблизилась большая джонка с резным драконом на носу. На её палубе, освещённой красными фонарями, сутились матросы.

– Мисси, пушки! – крикнул один из них, наряженный в шляпу-котелок и китайскую фуфайку.

– Что ему надо? – в недоумении спросила Нина.

Иржи двинул плечом.

– Вроде по-английски говорит, но ничего не понятно.

Китаец сделал вид, будто стреляет из пальца, а потом вытащил из кармана купюру и помахал ею в воздухе.

– Кажется, он хочет купить оружие, – догадалась Нина. – Спросите, револьвер подойдёт? Было бы не худо продать его и обзавестись хоть какими-то деньгами.

Китаец растопырил пальцы на обеих руках.

– Ему надо больше, чем один револьвер, – сказал Иржи.

– А сколько именно? Десять?

– Больше, больше! – закричал китаец.

На палубу вышел капитан в сопровождении вахтенных матросов.

– Что тут происходит?

– Этот человек хочет купить револьверы, – взволнованно произнесла Нина. – Давайте продадим ему кое-что из нашего арсенала и заработаем денег?

Капитан посмотрел на нее как на сумасшедшую.

– В Китае эмбарго на ввоз оружия. Если нас поймают на нелегальной торговле, нас тут же депортируют.

– Сколько у вас наличности? – тихо спросила Нина. – Не русских фантиков, а валюты? Я слышала, адмирал Старк хочет продать суда нашей эскадры, а выручку разделить между героями гражданской войны. Вы герой? Если нет, то у вас не будет ни корабля, ни денег.

Капитан нахмурился.

– Я не имею права торговать оружием, оно мне не принадлежит.

– Но вы имеете право списать то, что пришло в негодность, – отозвалась Нина.

Помедлив, капитан все же пригласил китайцев подняться на борт:

– Перебирайтесь сюда, только не шумите особо, а то у нас уже все спят.

Первым через борт перевалил толстый субъект в модной шляпе и кожаном плаще нараспашку.

– Вечер добрый! – сказал он по-французски.

Нина обрадовалась: она неплохо знала этот язык и могла объясниться с гостями.

Толстяк смачно поцеловал её руку.

– Ого, какие персики водятся на этой посудине! Дон Фернандо Хосе Бурбано к вашим услугам.

Следом появились китайцы: тот, что вел переговоры, и ещё один – огромный, страшный, с обожженным лицом и вытекшим глазом.

Нина предложила им услуги переводчицы, но Дон Фернандо сказал, что женщине не стоит вмешиваться в серьезные деловые разговоры.

– Английский тут кто-нибудь знает? – спросил он.

Иржи, как ученик на уроке, поднял руку, и Дон Фернандо радостно хлопнул его по плечу:

– Ну, пойдем, рыжик, посмотрим, что тут у вас имеется.

Капитан велел Нине идти к себе в каюту, но она отправилась вслед за мужчинами в трюм.

Матросы по очереди крутили ручку электрического фонаря, а капитан показывал Дону Фернандо свои запасы.

– Здесь у нас винтовки российского производства, ручные гранаты типа *Mills Bombs*, наганы, прицелы для пушек, военные перископы... – перечислял Иржи, и Нина удивлялась, что она, оказывается, кое-что понимает по-английски.

Торговались до глубокой ночи.

– Что вы мне зубы заговариваете?! – сердился Фернандо. – Берите, что дают, и дело с концом!

Одноглазый подал ему маленькие счеты, и Дон быстро защелкал костяшками:

– Патроны – двадцать ящиков, винтовки Мосина – старое дерьмо, наверняка наполовину сломанное, – десять ящиков... Плюсуюем гранаты... Шестнадцать сотен долларов – больше не дам, хоть лопните!

Иржи перевёл:

– Он даёт только шестьсот долларов.

Нина хотела поправить его: шестнадцать сотен – это тысяча шестьсот, – но капитан уже протянул Дону ладонь.

– Ладно, чёрт с вами! Только забирайте всё побыстрее и проваливайте отсюда.

У Нины отчаянно забилося сердце.

– Шестьсот долларов вы заплатите капитану, – сказала она Дону по-французски, – а остальные деньги получу я. Только не надо, чтобы кто-нибудь это видел.

Дон Фернандо в удивлении посмотрел на нее, и понимающая улыбка осветила его щекастое лицо.

– Как скажете, мадам! Поднимайтесь ко мне на судно.

Нина нервно ёжилась, глядя на матросов, перетаскивающих ящики с корабля на корабль. Если остальные беженцы узнают, что она затеяла, её будут судить по закону военного времени. Но если дело выгорит, то у нее появятся деньги на обустройство в Шанхае. Она попросит прощения у Клим, скажет ему, что он был прав насчет её расшатавшихся нервов, и они помирятся.

Когда последний ящик с оружием был перенесен на джонку, Нина быстро поднялась на трап, перекинутый с борта на борт.

Капитан схватил её за локоть.

– Вы куда?

Нина вымученно улыбнулась.

– Мне надо продать Дону Фернандо мой револьвер, а то у меня совсем нет денег.

Помедлив, капитан отпустил её руку.

– Не задерживайтесь там, ясно?

Но не успела Нина прыгнуть на палубу, как в темноте вспыхнул далекий прожектор сторожевого катера, и над рекой загремел голос, что-то кричавший по-английски.

Матросы торопливо скинули трап, загрели якорные цепи, и джонка, накрываясь, двинулась прочь.

– Стойте! – крикнула Нина, но её никто не слушал.

Мимо нее проносились люди, высоко над головой ворочался парус, а она стояла, прижавшись спиной к борту, ни жива ни мертва.

– Мадам! – позвал её испуганный голос.

Нина оглянулась и увидела Иржи, сидевшего на палубе в обнимку с вещмешком.

– А вы что тут делаете?

– Дон Фернандо пообещал отвезти меня в Шанхай, – проговорил Иржи. – Я не хочу больше торчать на этом пароходе!

Раздался выстрел, и луч прожектора скользнул по палубе джонки.

– Вот дьявол! – заревел из темноты Дон Фернандо. – Бросаем якорь! Это капитан Эггерс приехал нас арестовывать. Сейчас я с ним поговорю.

3

Дон Фернандо отправился с визитом на сторожевой катер и вернулся оттуда только на рассвете – довольный и пьяный.

– Поехали домой! – велел он матросам. – Мы потолковали с Эггерсом, он на нас не в обиде.

Нина сидела рядом с Иржи на связке канатов и поглядывала по сторонам. От страха и холода её трясло; ноги в балетных пуантах совсем застыли.

Что же теперь будет? Назад на беженский корабль ей не вернуться. А тут её изнасилуют и убьют – ведь это джонка контрабандистов. Ну и поделом будет дурочке, сама напросилась.

На высокой расписной корме стоял невозмутимый китаец и с усилием двигал тяжёлую рулевую балку. Над головой скрипели мачты; влажный воздух пах водорослями и дымом.

– Хорошо, что мы с вами попадем в Шанхай раньше всех, – тихо сказал Иржи. – Представляете, что будет, когда все эти беженцы сойдут на берег? Шанхайцы возненавидят нас. Нам надо устроиться в городе до того, как это случится.

– А что вы намерены делать в Шанхае? – спросила Нина.

– Не знаю... Можно поискать место в какой-нибудь ночлежке.

Пошатываясь от качки, Дон Фернандо ходил вокруг ящиков с оружием.

– Идите сюда! – позвал он Нину и достал из внутреннего кармана стопку банкнот. – Вот вам тысяча долларов; ни одной фальшивой купюры.

Нина в изумлении смотрела на него. Она и не рассчитывала, что Дон её не обманет.

– Сам не знаю, чего это я таким рыцарем стал? – с деланным вздохом сказал Фернандо. – Уж больно вы мне понравились. Глазки у вас блестят, как звездочки. Эй, Одноглазый! – крикнул он помощнику. – Я пойду вздремну. Разбуди меня, как прибудем на место.

Нина спрятала деньги в карман. Подумать только: ни за что ни про что ей досталась тысяча долларов!

Ладно, не все так плохо: с такими деньгами она откроет какое-нибудь дело, а Клима можно будет разыскать через русское консульство или местную православную церковь.

Нина перешла на нос джонки, над которым возвышалась голова резного дракона. Свежий ветер бил в лицо, корабль то и дело подпрыгивал над волнами, и каждый раз Нинино сердце сжималось в комочек то ли от страха, то ли от радости.

Чем ближе джонка подплывала к городу, тем чаще попадались пристани и пакгаузы. Над черепичными крышами виднелись плакаты на английском: «Покупайте сигареты „Великая стена“!», «Лучшее средство от всех недугов – „Тигровый бальзам“!»

Заводские трубы, цеха, строительные краны... Вскоре река от берега до берега заполнилась лодками всех видов и размеров. Рядом с Ниной встал Одноглазый и принялся что-то кричать в рупор: видно, требовал, чтобы джонке дали дорогу.

Мимо прошла огромная баржа; речная мелочь расступилась перед ней и тут же сомкнула строй. Промчался на моторке полицейский в странной коричневой форме. Беззубый старик, проплывая мимо, показал Нине окровавленные свиные ноги:

– Купи, мисси!

Заметив Нинин испуг, Одноглазый рассмеялся.

– Вы что, крови боитесь? – спросил он на ломаном французском. – Вы же только что приехали с войны. Кстати, кто сейчас у русских император?

– Лев Толстой, – отозвалась Нина. Но Одноглазый не понял её сарказма и долго повторял чудное имя, чтобы лучше запомнить.

Справа показался железный мост и многоэтажные здания с куполами, башнями и колоннами. Фонари на набережной всё ещё горели, и их огни отражались в бесчисленных окнах.

Нина растерянно оглянулась на Одноглазого.

– Это правда Китай?

Тот ухмыльнулся.

– Это Банд, главная набережная Международного поселения. А Китай чуть подальше будет.

Наконец джонка причалила к одной из пристаней. Из каюты выбрался всклокоченный Дон Фернандо и, почесывая пузо, направился к Нине.

– Вам бы надо паспорт выправить, – сказал он добродушно. – Дамочке с вашими наклонностями обязательно нужны документы.

– Сколько это стоит? – спросила Нина.

– Триста долларов.

– Это за фальшивку? Не валяйте дурака!

Дон Фернандо пожал плечами:

– Ну как знаете. Разрешите ручку поцеловать на прощание?

Нина спрятала руки в карманы.

– Лучше скажите, как называется самая хорошая гостиница в Шанхае.

– «Астор-Хаус». А вам зачем?

– Для общего развития.

* * *

Поднявшись на набережную, Нина и Иржи остановились, ошеломленно глядя на ряды глянцевого автомобилей, застывших вдоль тротуара.

– Я никогда не видела столько авто за раз! – прошептала Нина.

Из печных труб поднимался бурый дымок, по заиндевелой мостовой катили автобусы и одноместные коляски, запряженные людьми. Рикши – в ватных куртках, стеганых штанах и тапочках – подхватывали тонкие оглобли и неслись рысцой, ловко обгоняя «ломовиков» – тяжело нагруженные одноколесные тачки.

Несмотря на ранний час, тротуары были запружены толпой. Белые господа в дорогах пальто с меховыми воротниками покупали газеты у мальчишек, которые вопили по-английски:

– Последние известия! Советская Россия отныне называется «Советский Союз»!

Китайские служащие в почти одинаковых синих кафтанах и черных атласных шапочках спешили в конторы и лавки. Рабочие снимали с фонарных столбов еловые венки, перевязанные красными лентами, – католическое Рождество уже прошло.

Мимо проскакал отряд чернобородых конников в синих мундирах и красных тюрбанах.

– Это полицейские сикхи, – объяснил Нине начитанный Иржи. – Англичане завозят их в колонии из Индии, чтобы они охраняли правопорядок.

Послышался звон колокольчика: торговец вез на тележке передвижную кухню – дымящую плиту, баки, плошки и чайники.

Иржи бросил на Нину смущенный взгляд: верно, ему страшно хотелось есть.

– Даже не думайте! – строго сказала она. – Сегодня мы будем завтракать в ресторане «Астор-Хауса».

– Вы с ума сошли? – испугался Иржи. – Мы же нелегальные иммигранты! Нас сразу арестуют!

– Ерунда! Дорогой отель – это последнее место, где нас будут искать.

Нина решительно направилась к стоянке рикш.

– «Астор-Хаус»! – крикнула она.

К ней сразу подбежали несколько человек.

– Сюда, мисси! Сюда, пожалуйста!

Делая вид, что ничуть не смущается, Нина забралась в коляску. Рикша, молодой парень в драном ватнике, накрыл её колени кожаной полостью.

Нина повернулась к Иржи.

– Вы со мной?

Тот стоял в нерешительности.

– Я не могу ехать на человеке!

– Только-только прибыли в Шанхай? – спросил его рикша на ломаном английском. – Ездить на людях – это хорошо! Людям надо кушать. Я приношу деньги моей семье.

Иржи махнул рукой, уселся в коляску, и они покатили по нарядной набережной.

Шанхай был залит утренним солнцем. Звенели трамваи, ревели клаксоны, стучали подковы лошадей; от уличного гама у Нины гудело в ушах.

Внезапно она заметила девушку-китайку, которая шла странной вывороченной походкой. Потом ещё одну, и ещё... Бог ты мой, у всех у них вместо ступней были крошечные копытца, обутые в вышитые башмачки!

Нина долго думала, как правильно составить фразу по-английски, и, когда рикша остановился на перекрестке, спросила:

– Что случилось с этими женщинами? Почему у них такие маленькие ступни?

– В Китае девочкам бинтуют ноги, – отозвался рикша, утирая пот. – Нельзя, чтобы ступни росли, это некрасиво.

– Да как же «некрасиво»?! – возмутилась Нина. – Ведь ваши женщины не могут ходить по-нормальному! А бегать – тем более!

– Не надо бегать. А то жены будут от мужей сбегать.

Нина нахмурилась, вспомнив о Климе. Она собиралась поселиться в лучшей гостинице в Шанхае, а он так и остался на вонючем прогнившем корабле.

Ладно, что сделано, то сделано. Главное – самой не трусить и вести себя королевой.

Швейцар, стоявший у дверей «Астор-Хауса», крайне изумился при виде потрепанных белых господ.

– Скажите ему, что мы вернулись с охоты, – велела Нина Иржи.

Тот покосился на её истертые пуанты:

– О, да... с лебединого озера.

Помявшись, швейцар всё-таки пустил их в ярко освещённый вестибюль.

– Я уже забыла, что такое бывает! – выдохнула Нина, оглядывая мраморные полы и величественные люстры.

Не обращая внимание на онемевших носильщиков, она подошла к стойке портье.

– Вы говорите по-французски? Нам нужен номер на двоих. На месяц.

Тот растерянно хлопал глазами.

– Но это будет стоить сто пятьдесят долларов, и вы, наверное, не в состоянии...

– Вы хотите задаток?

Нина вытащила из кармана деньги, и портье окончательно растерялся.

– Нет-нет, мадам, задаток не нужен; в Шанхае все расплачиваются расписками. Мы выставим счет позже. А вы, простите, откуда прибыли?

– Из Лукоморья, – с достоинством отозвалась Нина. – Слышали про такую страну?

– Да, конечно... Приятного отдыха! Надеюсь, вам у нас понравится.

– А паспортов так и не спросили, – недоуменно проговорил Лабуда, когда они вошли в лифт.

– Белая кожа – вот наш паспорт, – сказала Нина. – Мне Клим говорил, что тут даже кредит дают под честное слово белого человека. Но, боюсь, все это скоро закончится.

Окна с витражами, ковры на полу, стены, обшитые красным деревом... Коридорный повел Нину и Иржи по галерее, обрамляющей внутренний двор. Внизу, под громадной стеклянной крышей, стояли столы с белыми скатертями и играл оркестр.

Нина остановилась, чтобы посмотреть на танцующие пары. Ого! Половина дам была с короткими прическами, а пояса на их платьях были завязаны не на талии, а на бедрах.

– Что это за музыка? – спросила Нина у Иржи.

Тот покачал головой.

– Не знаю. Я раньше такой не слышал.

– А ещё артист! – развеселилась она. – Эх, мы с вами безнадежно отстали от жизни!

Коридорный сказал, что музыка называется «джаз», а внизу ежедневно проходят «тиффины» – завтраки с коктейлями и танцами.

Он открыл замок на одной из полированных дверей:

– Месье, мадам, прошу!

В номере было слегка прохладно и пахло лавандовым мылом. Кинув шляпу на аккуратно застеленную кровать, Нина раздернула занавески на окне и расхохоталась:

– Иржи, я люблю этот город!

4

Приняв ванну и позавтракав, они отправились за покупками.

Нину потрясли современность, богатство и деловитость Шанхая. По Нанкин-роуд гуляла нарядная публика, а в гигантских витринах красовались манекены в умопомрачительных платьях. Деревья были подстрижены, на тротуарах стояли урны, а на перекрестках размахивали жезлами молодцеватые регулировщики движения.

Это был европейский город – если не считать вывесок с иероглифами, рикш и прохожих, тащивших то уток в клетках, то связки капусты на бамбуковых коромыслах.

Теперь Нине было странно, что она так боялась эмиграции. Чего она забыла в несчастной, ободранной России? Шанхай – вот город, в котором стоило поселиться!

Пока они с Иржи бродили по универмагу «Винг Он», Нине одновременно хотелось смеяться и плакать от счастья. Подумать только, ещё вчера у нее не было нитки, чтобы пришить пуговицу, а сегодня она держала в руках американские фотокамеры, японские фарфоровые чашки, сумочки из английской кожи, золоченые самопишущие перья... Все было доступно без очереди и по смешным ценам.

Приказчики в длинных серых халатах валили на прилавки рулоны шелка, надрезали невесомую ткань и дальше разрывали руками.

– Потом заплáтите. Я пришлю счет.

Оказалось, что и в магазинах никто не платил вперед: достаточно было дать визитную карточку отеля и расписаться.

– Я больше не могу... Иржи, разбудите меня! – шептала потрясенная Нина. Но Лабуда тоже онемел и оглох от Шанхая.

В уютно обставленных мастерских китайские портные принимали заказы на пошив платьев. У скорняков в витринах висели смешные объявления: «Сделаю мантию из своей или вашей шкуры».

На верхних этажах универмага – кинотеатр, пекинская опера и рестораны; на крыше – зимний сад. В «Винг Он» можно было зайти и пропасть там на целый день.

В отель Нина и Иржи вернулись другими людьми: нарядными, посвежевшими, с сумасшедшим блеском в глазах.

Нина подвела Иржи к большому – от пола до потолка – зеркалу.

– Посмотрите на нас! Вот теперь мы настоящие – такие, какими всегда должны были быть. А это – наша «лягушачья кожа». – Она показала на сверток со старой одеждой. – Нас кто-то заколдовал, но теперь проклятие снято!

Иржи покосился на свою искалеченную руку и спрятал её за спину.

– Да, наверное.

* * *

Вечером Нина лежала в скользкой от крахмала постели и, как книжку, читала меню из ресторана:

– Филе каплуна с пюре из каштанов. Жареный фазан на гренках с соусом из мяса вальдшнепа, бекона, анчоусов и трюфелей. Холодная рыба «Мандарин» с диким рисом, приправленным шафраном.

Ноги гудели, голова кружилась от несуществующей корабельной качки. На полу валялись коробки с покупками – «предметы первой женской необходимости», как когда-то говорил Клим.

Вспомнив о нем, Нина прикусила губу. Он ведь Бог ведь что подумал, когда узнал о её исчезновении!

Постучавшись, в комнату вошел Лабуда. Аккуратно подстриженный, в махровом халате с пояском, он выглядел совсем мальчишкой.

– Извините, что я вас тревожу, но хотелось бы знать, как мы будем за все расплачиваться. Ведь деньги однажды кончатся.

– Что-нибудь придумаем, – с уверенностью сказала Нина. – Можно напечатать в газетах объявление: «Поговорю об умном с умными людьми. Сто долларов в час». Это лучшее из удовольствий.

Иржи хмыкнул:

– Я только что прочел такое объявление в газете. Здесь эти услуги оказывают гейши в японском квартале: им по два доллара за разговоры дают.

Глава 2. Дом надежды

1

Ада Маршалл была похожа на невезучее деревце, семечко которого упало не в землю, а на поросшую мхом крышу сарая: вроде все на месте – ветки и корешки, – но заранее ясно, что ничего путного тут не вырастет.

Мать Ады была русской, а отец – американцем. Он работал на Ижевском заводе по контракту, но в самом начале революции его убили, и Аде с мамой пришлось перебраться во Владивосток.

На беженском пароходе им досталось место в коридоре, и мама, простыв на сквозняке, заболела воспалением легких. В день, когда корабли Старка подошли к форту Усун, она умерла, и в пятнадцать лет Ада осталась круглой сиротой.

Невысокая, хрупкая и сероглазая, с мягкими каштановыми волосами, обрамлявшими круглое личико, она не замечала собственной прелести и старалась быть как можно незаметней. Она нашла себе укромное место за ящиком со спасательными жилетами: это был её мирок – расстеленное на полу красное одеяло и стопка книг, которые мама прихватила для нее из Ижевска. Там Ада и просидела долгие недели, покуда адмирал Старк вел переговоры с шанхайскими властями.

Беженцам всё-таки разрешили сойти на берег, но только без оружия, а пароходам было велено покинуть территориальные воды Китая.

На корабле поднялся радостный переполох.

– Пойдем, горемыка, с нами! – позвал Аду отец Серафим, высокий плечистый священник со спутанной светлой бородой.

– Я никуда не пойду! – испуганно прошептала Ада. Она понятия не имела, что ей делать в Шанхае.

– Ну, как знаешь, – вздохнул батюшка. – Корабли на днях отправятся в Манилу, а она далеко от России. Вот скинут большевиков – как ты назад вернешься?

Ада ничего не ответила.

Вскоре на пароходе остались только матросы-добровольцы. Ада бродила по пустым коридорам и непрестанно думала о том, как ей быть.

Несколько раз она натыкалась на Клима Рогова, который тоже отказался ехать в Шанхай. Никто так и не понял, почему жена бросила его: после войны все неискалеченные мужчины были наперечет, а Клим ещё и по-английски говорил и танцевал так, что все ахали. У предательства Нины было только одно объяснение: маленький чех, Иржи Лабуда, лишь притворялся бедным и несчастным, а на самом деле у него была припрятана крупная сумма, которой он и соблазнил чужую супругу.

Встретившись, Клим и Ада смотрели друг на друга исподлобья и, не здороваясь, расходились по своим углам. Говорить ни о чем не хотелось.

2

Ада вышла на палубу и увидела, как Клим, перебравшись через борт, спускается в лодку-сампан, где его поджидал старый китаец в стеганой куртке и рваном суконном треухе.

– Вы куда? – ахнула Ада.

– Я всё-таки поеду в Шанхай, – отозвался Клим.

Она растерянно огляделась кругом. Ей вдруг показалось, что кроме нее на пароходе никого не осталось.

– Погодите, я с вами!

Ада вернулась в свой уголок, свернула красное одеяло и перевязала бечевкой книги. Брать их или не брать? Без книг, пожалуй, будет совсем тоскливо.

Спускаясь в лодку, она потеряла равновесие и чуть не упала в воду – хорошо, Клим успел её подхватить! Странное это было чувство: сильные руки в последний момент спасли Аду от падения.

Клим усадил её на циновку рядом со своим вещмешком и здоровым помятым самоваром, и старик, загребая широким кормовым веслом, повел сампан вверх по реке.

– У тебя остались какие-нибудь родственники? – спросил Клим у Ады.

Она покачала головой.

– Нет. То есть да... У меня есть тетя в Америке. Мама дала мне её адрес и немного денег. Так что я напишу ей письмо.

Ада ждала, что Клим скажет, куда они направляются, и в тревоге грызла ноготь на большом пальце, вылезшем через дырку на варежке. А что, если они сейчас подплывут к Шанхаю, и Клим бросит её на произвол судьбы? Куда ей тогда податься?

Она украдкой разглядывала его: густые брови были нахмурены, на щеках темнела многодневная щетина, ветер трепал выбившиеся из-под кепки давно не стриженные вихры.

– Почему вы решили остаться в Шанхае? – спросила Ада.

– Вчера на камбузе на меня снизошло озарение, – не глядя на нее, отозвался Клим. – Я подумал, что наша жизнь похожа на мешок с картошкой, где каждый день – это одна картофелина. Перед нами стоят два бака: один для супа, а другой для гнилья, – и только от нас зависит, куда мы кинем очередной день... В общем, гнить на корабле не имело смысла.

– А если картошка изначально гнилая? – спросила Ада.

– Умные люди из всего извлекают пользу.

Клим показал на проплывающую мимо лодку с огромной зловонной бочкой на корме:

– Знаешь, что это такое? Китайцы выгребают дерьмо из ночных горшков и делают из него удобрения для огородов. Все местные овощи выращены на нем.

Ада охнула и решила, что ни за что не будет есть китайскую еду.

Когда сампан добрался до Шанхая, лодочник хотел высадить их на роскошной набережной, но Клим велел ему плыть дальше.

Выше по течению рядом с пакгаузами и фабричными цехами стояли невообразимые лачуги, собранные из обломков досок и старых рекламных щитов. Над тростниковыми крышами тянулся бурый дым, на бамбуковых шестах висели одеревеневшие от холода рубахи.

Лодочник подвел сампан к кособокой пристани, вдоль которой выстроились самодельные лодки и плоты. Тут же сидели сонные рыбаки с удочками, тут же чумазные тетki чистили громадные медные котлы.

– У тебя есть деньги? – спросил Клим у Ады.

Она нахмурилась:

– Есть. А что?

– Я договорился, что отдам за проезд самовар, но эта штука стоит гораздо больше, чем двадцать центов. Денег у меня нет, так что решай сама, надо или не надо спасать мое имущество. Лично я думаю, что самовар нам пригодится.

Ада просияла: Клим сказал «нам». Кажется, он не собирался её бросать!

Она торопливо достала из кармана вязаный кошелек:

– У меня есть американский доллар!

Однако старик отказался принимать иностранные деньги и послал мальчишек-рыбаков за менялой.

– Местную валюту тоже называют долларами, – объяснил Клим Аде. – В одном шанхайском долларе сто центов, цент делится на копперы, а копперы – на медные китайские монеты с квадратной дыркой посередине. Правда, на них ничего не купишь, кроме кипятка у разносчика.

Вскоре явился маленький меняла в жилетке с потертой вышивкой. К его запястью была прикована железная касса, которую он носил под мышкой, как портфель.

Обменяв доллар на несколько тусклых монет с непонятными закорючками, Клим расплатился со стариком и повел Аду по шумной кривой улице, застроенной двухэтажными домами. Внизу помещались лавки, а наверху – жилые комнаты.

Ада с изумлением разглядывала черепичные крыши, забранные тонкими рейками окна и вертикальные доски, расписанные иероглифами.

– Это что, вывески? – спросила она.

Клим кивнул:

– Китайские тексты пишутся сверху вниз, а не слева направо.

Разносчики продавали арбузные семечки, подсолнухи и очищенный сахарный тростник; на лотках вдоль дороги высились горы соленых огурцов и моркови. Тут же торговки готовили на закопченных жаровнях то ли кузнечиков, то ли скорпионов.

«Боже мой!» – ахала Ада, тараща глаза.

Тачки с громадными колесами, рикши, паланкины... Двое молодцов несли на шесте огромный тюк и, задыхаясь, поочередно выкрикивали: «Айа-ха! Айа-ха!»

С грохотом пронесся набитый людьми автобус, засвистел полицейский, взвизгнул тормозами огромный лаковый автомобиль, и из него один за другим выскочили бритоголовые монахи в оранжевых одеяниях.

У Ады голова шла кругом: где она оказалась? В Азии? В Европе? Кажется, в этом городе немыслимым образом перемешались не только части света, но и эпохи – средневековые пополам с современностью.

– Куда мы идем? – жалобно спросила Ада. Она совсем выбилась из сил.

Клим остановился и серьезно посмотрел на нее:

– Ты только не пугайся, но мы идем в бордель.

– То есть как?.. – пролепетала Ада.

– Нам надо осмотреться и узнать новости.

Сбежать? Ада огляделась и вдруг увидела знакомую – она приплыла с ними на одном пароходе. Женщина кланялась до земли каждому, кто входил и выходил из продуктовой лавки, и просила милостыню. Ей никто не подавал.

3

Клим привел Аду в маленький дворик позади кирпичного здания в два этажа. У стены стоял ржавый велосипед без колес, над головой на веревке развешались выстиранные подштанники.

Поднявшись на крыльцо, Клим забарабанил в облупленную дверь.

– Марта, открой! – крикнул он по-английски.

Ада с опаской озиралась вокруг. Сейчас она войдёт в бордель; вот ужас-то!

Послышались шаги, и в смотровом окошке появился голубой глаз.

– Кто там?

– Марта, не узнаешь?

Дверь распахнулась, и к Климу бросилась маленькая плотная женщина с папильотками в волосах.

Какой у нее был халат! Ада в жизни не видела таких халатов! На спине красовались вышитые драконы, а рукава и подол были оторочены лисьим мехом.

Клим и Марта обнялись и расцеловались.

– Ну, красotka, как поживаешь? – весело спросил он.

Ада в недоумении посмотрела на него: он что, ослеп? У его подруги было одутловатое лицо, крупный нос и второй подбородок – какая из нее красotka?

– Идемте в дом, тут холодно! – поежилась Марта и повела гостей в прихожую.

Краснея и обмирая, Ада поднималась за ней по лестнице и глазела по сторонам. Так вот они какие, бордели! Стены были оклеены полосатыми обоями, ступени застланы ковровой дорожкой, а с потолка свисала пыльная люстра из цветного стекла.

На втором этаже располагалась большая нарядная комната с зеленым роялем, граммофоном и бархатными диванами. Там кто-то недавно кутил, и прислуга ещё не успела подмести полы и убрать грязные бокалы.

– Откуда ты явился, мистер Рогов? Из тюрьмы? – спросила Марта, оглядывая истрепанный наряд Климa.

– С войны, – отозвался он.

– Много наград принес?

– А то! Орден Почетного легиона беженцев и Пурпурное разбитое сердце.

– Ты что, с русскими приехал? Садись и рассказывай!

Клим говорил о себе и спрашивал Марту о каких-то людях. Смущенная Ада сидела рядом, в обнимку со своим одеялом и книжками.

На круглом столе стояли вазочки с апельсинами и печеньем. Хорошо бы поесть предложили! Ада не ела печенья пять лет, а апельсины видела только на картинке.

Но Марта и не думала угощать гостей и только жаловалась на русских беженцев, которые загубили ей бизнес:

– Раньше белую девочку можно было продать за хорошую цену, – распалялась она. – А сейчас подходи к русскому консульству и выбирай любую. Купишь ей кусок пирога, и она уже от счастья млеет: «Мой принц, мой принц...»

– Мне бы работу найти, – сказал Клим. – Денег нет ни гроша.

Марта вздохнула:

– С работой сейчас трудно. Китайцы готовы на все ради десяти центов в день, так что легко устроиться только девочкой в заведение.

Она перевела взгляд на Аду.

– А это кто с тобой?

Клим нахмурился:

– её мать умерла, и ей некуда идти.

– На что она собирается жить?

– Я знаю английский и могу давать уроки, – залившись краской, произнесла Ада.

– Дай-ка я на тебя посмотрю!

Марта потянулась, чтобы расстегнуть Адино пальто, но та в испуге отпрянула:

– Не трогайте меня!

Хозяйка засмеялась:

– Уроки она будет давать! Кому?

– Может, возьмешь её такси-гёрл в «Гавану»? – предложил Клим. – Мы иногда устраивали вечеринки на пароходе, и я видел, как она танцует. По-моему, у нее неплохо получается.

Ада похолодела.

– Что такое такси-гёрл?!

– Платная партнерша для танцев, – объяснил Клим. – В Шанхае мужчин гораздо больше, чем женщин, и холостяки все вечера болтаются по ресторанам. Своих девушек у них нет, поэтому они танцуют с такси-гёрл. Это приличная работа, ничего общего с проституцией.

Клим скинул куртку и размотал шарф.

– Снимай пальто, – велел он Аде. – Давай покажем, на что ты способна.

Трепеща, она приблизилась к Климу.

– Если Марта возьмет тебя – соглашайся! – шепнул он по-русски. – Будет трудно, но ты сможешь заработать себе на хлеб.

Марта покрутила ручку граммофона, и из рупора полились хриплые звуки танго. Обняв Аду за талию, Клим прижал её к себе.

Снова ненормальная близость взрослого мужчины! Его дыхание было слишком горячим, взгляд – слишком пылким, будто Клим взял и влюбился в Аду – вот только что, минуту назад!

Она угадывала каждый его шаг и с тайной радостью отмечала, что у нее все выходит как надо. Уж что-что, а танцевать она всегда любила.

– Браво, браво! – захлопала Марта в ладоши. – Толк из девчонки выйдет.

– Бери её на работу и придумай что-нибудь с платьем, – сказал Клим, выпустив Аду из объятий. – Она три года назад выросла из своих нарядов.

– Сейчас поищу, – отозвалась Марта и убежала в другую комнату.

Взволнованно дыша, Ада присела на край дивана. Она не смела поднять взгляд на Клима. Что между ними произошло? Пока они танцевали, он был так нежен с нею!

Ада искоса посмотрела на него. Странно: теперь в его глазах не осталось и намека на страсть – только отрешенная усталость.

Марта вернулась с двумя платьями на вешалках.

– Мерить не дам, ты ванну давно не принимала. Приложи к себе!

Ада молча повиновалась.

– Так, это пойдёт, это тоже пойдёт... – проговорила Марта. – Обуви у тебя нет? Покажи ногу!

Выдав Аде пару дорогих, но слегка поношенных туфель, она объявила, что даст ей полтора доллара в день и вычтет из заработка стоимость нарядов.

– А с тебя я три шкуры спущу, если девчонка удерет с платьями, – пригрозила Марта Климу.

– Куда она удерет? Назад к большевикам? – хмуро отозвался он.

– Ты её привел – ты за нее отвечаешь. Где вы остановились?

– Нигде.

– Попроситесь к Чэню, он сдает комнаты. – Марта написала на бумажке адрес. – Все, идите отсюда, мне надо выспаться. В семь часов чтобы девка была в «Гаване».

Клим поцеловал ей руку и пошел к лестнице; Ада со вздохом последовала за ним; апельсинов так и не дали.

На пороге Марта ухватила её за плечо:

– Если ты девственница, я тебя умоляю: не спи ни с кем без моего ведома! – шепнула она, показывая взглядом на Клима. – С этого оболтуса ты все равно ничего не получишь, а я тебе такого клиента на первую ночь подберу – пальчики оближешь!

4

После долгих блужданий Клим и Ада добрались до неказистого трехэтажного здания, построенного буквой «П». Стены его белились, наверное, в прошлом веке, а решетчатые ворота были погнуты, будто в них врезался грузовик.

Над входом имелась вывеска с надписью по-английски и по-китайски: «Дом надежды и зарождающейся карьеры».

– Представляю, каких успехов мы тут достигнем! – хмыкнул Клим.

Ада вошла вслед за ним во внутренний двор. В раскрытых окнах висели клетки с птицами, от стены до стены тянулись бамбуковые шесты с выстиранным бельем, а под навесом из драной циновки стояла печь, рядом с которой сутились смуглые женщины в стеганых жилетах поверх длинных рубаш.

Клим спросил что-то у них, и они загалдели, показывая на покосившуюся дверь с ручкой в виде львиной головы.

– Посиди здесь, – велел он Аде и пошел договариваться с домовладельцем.

Ада молилась: только бы им удалось найти комнату! Работа и жилье в один день – это невероятное везение. Жалко, что у Клим совсем нет денег; значит, придется кормить его за свой счет. Ну да что поделаешь?

Интересно, откуда он знает Марту? Неужели таскался к её девкам, пока жил здесь?

Ада вспомнила, как они танцевали танго, и у нее мурашки побежали по спине. А вдруг Клим действительно будет к ней приставать? При одной мысли об этом она покраснела и обхватила себя руками, будто защищаясь. Фу, какая гадость! Но, с другой стороны, наверное, это приятно, когда взрослые сходят от тебя с ума...

Клим вышел на порог:

– Вроде договорился. С нас – десять долларов в месяц, с хозяина – ключ от комнаты и кипятилок в общей кухне. Я сказал, что ты моя наложница, иначе бы нас не поселили вдвоем: у китайцев с моралью строго.

От смущения у Ады даже уши запылали. Клим рассмеялся:

– Не бойся, проверять никто не будет.

Чэнь, сутулый китаец с тощей косицей на затылке, повел их по разошедшимся ступеням наверх, но не в квартиру на третьем этаже, а выше.

– Он сдал нам что-то вроде голубятни, – шепнул Аде Клим.

– Прошу, прошу... – показал Чэнь на низкую растрескавшуюся дверь.

Крохотная комнатка, пахнувшая отсыревшим деревом, была чуть больше железнодорожного купе. В углу стояла печь, сделанная из керосиновой бочки, а вдоль стены – двухъярусные нары, сооруженные из досок и бамбуковых шестов.

– А уборная где? – спросила Ада.

– В китайских домах нет канализации, – объяснил Клим. – Все пользуются горшками с крышкой, которые по утрам надо выставлять на улицу. Золотарь подберет их и опорожнит.

– Ванной комнаты тоже нет?

– Хочешь – таскай воду сюда, грей и мойся, хочешь – купайся в реке. Но я не советую – там холера.

– А вы будете таскать воду?

– Я в баню пойду.

Они принялись устраиваться: Ада расстелила на верхних нарах одеяло и расставила вдоль стены книги, а Клим раздобыл во дворе щепок для растопки самовара.

Взяв у Ады несколько центов, он сходил за едой и принес кулек с вареным рисом и шесть палочек, на которые было нанизано что-то коричневое.

– Что это? – спросила Ада, вспомнив про китайские удобрения.

– Это лягушачий мозг, местный деликатес, – отозвался Клим и тут же рассмеялся, видя Адин испуг. – Да ладно, шучу... Я сам не знаю, что это такое.

Китайская еда – жирная и несоленая – Аде не понравилась, но она все равно съела свою порцию.

– Чэнь поклялся, что у него нет насекомых, а это самое главное, – сказал Клим, вытряхивая остатки риса себе на ладонь. – Когда я снял свою первую комнату в Шанхае, мне достался настоящий клоповник: пришлось всю ночь спать в сарае на каком-то сундуке. А утром хозяин заявил, что это гроб его бабушки.

Ада улыбнулась. Всё-таки ей повезло сегодня: за один день она завела себе покровителя, устроилась в ресторан при публичном доме, записалась в наложницы и съела «лягушачий мозг». Рассказать девчонкам из Ижевска – они бы ни за что не поверили.

5

Когда стемнело, Клим повел Аду назад к Марте.

В переулках царил крошечный мрак, зато на торговых улицах сияли громадные вывески с электрической рекламой.

Ада ахала и вертела головой:

– Красота какая!

Клим и сам удивлялся: города, который он помнил, больше не существовало. Здесь все поменялось: национальные флаги, автомобили, мода и вывески. Марта сказала, что на месте чайной компании, в которой он работал, теперь располагался магазин принадлежностей для верховой езды. Не было и маленького дома под красной черепицей, где Клим когда-то снимал комнату, – его давно снесли.

Все надо было начинать заново.

Наряженная в обновки Ада чувствовала себя Золушкой, едущей на бал. Ей было страшно и весело одновременно, и она беспрерывно болтала, пересказывая Климу, как её мама впервые выезжала в свет и как её пригласил на танец сын градоначальника.

Не дело пятнадцатилетней девчонке работать такси-гёрл! Но другого заработка ей не найти, а если Ада останется без денег, то её судьба будет предрешена: она два-три дня поголодает, а потом отправится на панель.

Скрепя сердце Клим объяснил Аде правила, установленные в «Гаване»:

– Такси-гёрл сидят за особыми столиками, мужчины покупают в кассе билеты по пятьдесят центов и выбирают девушку. Если клиент совсем противный, ему можно отказать, но если будешь привередой, ничего не заработаешь. После танца надо просить, чтобы тебе купили вина и закуски – за это полагается процент.

– А если предложат выпить? – спросила Ада.

– Постарайся сделать так, чтобы тебе купили отдельную бутылку. Официант принесет яблочного сидра, но цену за него выставят как за шампанское. Если клиент будет настаивать, чтобы ты выпила из его бутылки, глотни, но только немного, иначе ты не сможешь танцевать. А если будет совсем не вмоготу, сними туфли – это знак того, что ты устала.

– Откуда вы все знаете? – удивилась Ада.

– У меня подруга работала такси-гёрл.

– А где она сейчас?

– Вышла в люди... То есть замуж.

Первая любовь Клим, китаянка по имени Джя-Джя, приехала в Шанхай из Кантона, где девочкам не бинтовали ноги. В «Гавану» не брали цветных, но Джя-Джя была так хороша, что для нее сделали исключение.

Клим влюбился в нее с первого взгляда. Он спускал все деньги, чтобы потанцевать с нею, каждый день провожал её до дома и дрался с матросами, если они осмеливались назвать её узкоглазой.

Хозяин чайной компании, где служил Клим, узнал, что тот собрался жениться на цветной, и подговорил своих дружков скинуться деньгами и выслать «паршивую овцу» из Китая. Шанхайские джентльмены свято блюли честь высшей расы и делали всё, чтобы китайцы даже думать не смели о браках с белыми.

Клима скрутили и отвезли в порт, но русский пароход уже ушел, и ренегата посадили на судно, следовавшее в Буэнос-Айрес, – так Клим попал в Аргентину.

Надеясь скопить на обратный билет, он работал как проклятый: сначала в типографии, а потом в газете. Он писал Джя-Джя страстные письма и обещал увезти её в Россию, но вскоре от Марты пришла телеграмма: какой-то купец забрал его душеньку к себе в гарем.

Джя-Джя так и не узнала, что Клим превратился в одного из лучших журналистов Аргентины и был вхож к самому президенту. Ну, дай Бог ей гаремного счастья!

Клим думал, что никогда не забудет её, а вот поди ж ты – познакомился с Ниной, и опять все пошло по новой: огонь в глазах, в голове – сладкая неразбериха. Но и эту женщину он потерял: гражданская война и тиф изменили её душу до неузнаваемости.

* * *

Войдя в «Гавану», Клим отвел трепещущую Аду к гримерке, а сам отправился в ресторанный зал. Там уже было полно туристов и военных моряков с кораблей Великих Держав. Публика была исключительно белой: два здоровых вышибалы следили, чтобы в двери не дай бог не сунулись азиаты или негры.

Филиппинский оркестр наигрывал фокстрот, между столиками сновали официанты в белых куртках – они работали за чаевые и еду и из кожи вон лезли, чтобы услужить клиентам.

«Гавана» тоже изменилась. Теперь над столами висела реклама пива, подсвеченная лампочками, – а ведь раньше тут все освещалось газовыми рожками. Кирпичные стены оштукатурили и расписали фресками, сцену переделали... Только закопченный бар остался прежним – с его рядами разномастных бутылок, мутными зеркалами и золоченым божком удачи на верхней полке.

Из задних комнат показались такси-гёрл и чинно направились к своим столикам. Ада появилась последней: ей подмазали брови и губы и воткнули в волосы красный цветок. Два английских матроса сразу же бросились к ней с билетами, и Ада, растерявшись, стала искать взглядом Клима. Хорошо хоть управляющий подошел к ним и поделил, кому из кавалеров танцевать первым.

Грянула музыка, и Ада пропала в веселящейся толпе.

– Ну, с почином твою девицу! – сказала Марта, подсаживаясь к Климу. – Меня уже многие про нее спрашивали.

– Она ещё совсем ребёнок... – начал Клим, но Марта его перебила:

– Подумаешь! Когда я стала такси-гёрл, мне и тринадцати лет не было. А ты всю ночь собрался её караулить?

Клим кивнул.

– Не бойся, ничего с ней не случится, – засмеялась Марта. – Я уже предупредила наших, что твоя цыпочка пока не будет работать наверху.

6

Светало. Над крышами поднимались дымы, где-то вдали кричали петухи, а по улицам спешили первые разносчики с бидонами и корзинами на коромыслах.

Ада брела, опираясь на руку Клим: новые туфли в кровь стерли ей ноги.

– Спасибо, что вы подождали меня, – лепетала она пьяным голосом. – Я раньше думала: «А зачем мне вообще жить? Что меня ждет в будущем?» Но с вами мне совсем не страшно... Я буду работать, и мы как-нибудь справимся, правда?

Клим вздохнул. Для него была невыносима мысль о том, что какое-то время ему придётся жить за счет Ады. Но где и как он мог раздобыть денег?

Нина была права, бросив Клим. Что он мог ей предложить? Работу такси-гёрл? Половину нар в комнате, за которую платила пятнадцатилетняя девчонка?

Вернувшись в комнату в Доме Надежды, Ада упала на постель Клим и тут же уснула. Он вспомнил, как танцевал с ней и представлял на её месте другую женщину. Всё-таки танго – великая вещь! Пока оно звучит, ты можешь быть кем хочешь и с кем хочешь. Музыка смолкнет, жизнь вернется на круги своя, но перед этим у тебя будет несколько чудесных минут.

Клим накрыл Аду одеялом и подошел к окну, откуда открывался занятный вид: налево – дворцы, направо – лачуги, а посередине – полуразрушенная башня, весьма похожая на придорожный камень со стертыми письменами.

Эх, подсказал бы кто витязю на распутье, куда ему направиться, чтобы разыскать Царевну Лебедь! Впрочем, до тех пор, пока витязь не залечит раны, не начистит доспехи и не раздобудет приличного коня, о Царевне ему думать рановато.

Глава 3. Чужаки

1

Записная книжка «Доходы и расходы»

Говорят, что русских в городе уже больше шести тысяч: к тем, кто прибыл на кораблях Старка, прибавились беженцы, доехавшие до Шанхая на поезде. Новичков встречают бойкие вокзальные мальчишки и за небольшую плату рассказывают, где тут православная церковь, где лавки подешевле и где можно переночевать.

Власти совершенно не знают, что с нами делать. Они учредили Бюро по русским делам и отправили телеграмму в Австралию с просьбой принять нас. Но из этой затеи ничего не вышло: лицам, не имеющим средств к существованию, въезд в Австралию воспрещён.

Шанхайские содержатели ломбардов озолотились на беженцах, которые приносят им остатки прежней роскоши: драгоценные камни, меха, иконы и даже нательные кресты.

У маленькой Богоявленской церкви разбит временный лагерь, где люди живут в самодельных палатках и хижинах, сколоченных из фанеры. На подворье шум, грязь и теснота несусветные. Заросший бородой солдат, член Православной дружины, разливает суп из бадьи – очередь с мисками тянется через весь двор, и конец её исчезает на улице. Мыло для стирки взвешивают на аптечных весах: «По одному куску в руки!» Очередь за ведром – воды принести, очередь на веревку – белье посушить.

В воротах появляется подрядчик, желающий сэкономить на рабочей силе: «Десять человек на бойню – кишки таскать. Есть добровольцы?»

Толпа бросается к благодетелю: «Я! Я готов!»

Мыться приходится в китайских публичных банях. Второй этаж предназначен для богатых, и вода из их ванн поступает на первый этаж в широкую канаву, облицованную камнем. Этой водой моются бедняки и, разумеется, то и дело подхватывают кожные болезни.

Все мечутся в поисках денег. Первыми стали зарабатывать женщины, объявившие себя гадалками: их услуги пользуются огромным спросом среди соотечественников. Гадание и ясновидение запрещены на территории Международного поселения, но колониальные власти ничего не могут поделать: русские являются лицами без гражданства, и их дела должны рассматривать китайские судьи, а по местным законам предсказание будущего – вполне достойное занятие.

Кое-что удастся заработать оркестру кадетского корпуса – его приглашают играть в кино-театрах, на свадьбах и похоронах. Остальные пробавляются случайными заработками.

Самое трудное в эмиграции – начинать с нуля. Кому какое дело, что на родине ты был генералом или известным драматургом? Жизнь отбрасывает тебя в начало игры, к желторотым юнцам, которые к тому же намного лучше разбираются в местном языке и обычаях. Но тебе уже не 18 лет, и тебе по возрасту положено иметь хоть какие-то заслуги! Увы, предъявить людям нечего, и ты теряешь ценность не только в общественных, но и в собственных глазах.

В надежде на чудо я обошел все редакции англоязычных газет, но меня даже на порог не пустили. Русский акцент – это проклятие! Стоит мне произнести хоть слово – и все двери захлопываются перед моим носом: «С большевиками дела не имеем!» И кому я что докажу?

Моя родина превратилась в источник опасности: во всём мире голытьба, вдохновленная примером большевиков, мечтает отнять у «буржуев» собственность, и те, кому есть что терять, видят в русских возможных смутьянов и провокаторов.

Чтобы разобраться, кто из нас белый, а кто красный, нужны силы и время, и гораздо проще выставить подозрительного оборванца вон – на всякий случай.

Мне всё-таки повезло с работой, и я несколько дней пилил тиковые бревна для мебельной мастерской. Два человека должны были от рассвета до заката орудовать громадной восьмифутовой пилой, пока не начинало сводить мышцы. Когда пилильщик выбывал из строя, хозяин тут же выгонял его и приводил свежую «рабсилу». Лесопилки тут не в чести: какой смысл на них тратить, если ручной труд дешевле грязи?

Временами я страшно завидую китайским детям, которые залезают по пояс в мутную ледяную реку и с помощью особых корзинок умудряются ловить рыбу. Они дрожат от холода, верещат и смеются и, судя по всему, неплохо проводят время. Такие ребята нигде не пропадут.

Впрочем, я тоже потихоньку учусь выживать в Шанхае. В особо удачные дни, когда мне перепадает серебряная монета, я не трачу её сразу, а размениваю на медную мелочь. Потом ищу, в какой лавке получше курс, и, оббегав полгорода, вновь меняю медяки на серебро, но уж с доплатой центов в десять. Для меня это означает ужин – именно столько стоит порция лапши или орехов в сахаре. Но смотреть надо в оба: торговцы продают еду на вес и частенько добавляют в нее песок для тяжести.

Если день совсем неудачный, то я обхожусь парой соленых огурцов за семь копперов или иду к французским монашкам-благотворительницам: они дают суп тем, кто посещает мессу.

Точно так же живет весь безработный Шанхай, а если кто добывает больше доллара в день, так преступлением: кто квартиры грабит, кто гоняет мелких торговцев: «Платите, а то худо будет!»

2

В прокуренной примерке такси-гёрл переодевались и красили губы и брови. Посторонний ничего бы не понял из их разговоров, но Ада уже начала разбираться в местном жаргоне.

Самых лучших клиентов – молодых, веселых и богатых – девушки называли «ящерами», некрасивых богачей – «золотыми жилами», а себя – «старательницами». Скучный мужчина, не умеющий танцевать, – это «огурец»; мужчина без средств – «ложная тревога». «Слесарь» – это тот, кто подкладывает в карман железки, чтобы они звенели и все думали, будто у него много серебра.

– Слыхали, Марта приказала гардеробщику убирать под замок мое пальто, чтобы я не убегала раньше времени с «золотыми жилами»! – возмущалась черноглазая Бэтти, красивая и буйная королева «Гаваны».

Ада украдкой любовалась ею: алые губы, красное платье с разрезом чуть ли не до середины бедра – ни стыда ни совести. Сама Бэтти не обращала на Аду внимания. Лишь однажды она вырвала у нее папиросу: «Брось каку! Мала ещё!» А сама говорила, что курение – лучшее средство от ангины.

В примерку сунулся управляющий, и девушки завизжали, прикрываясь.

– Эй ты, русская, тебя хозяйка зовет! – бросил он равнодушно.

Марта сидела наверху в маленьком кабинете, украшенном расписными тарелками с видами Парижа, Вены и Флоренции, – она их собирала.

– Садись, – велела она, показав Аде на обитое парчой кресло. – Из муниципалитета опять прислали бумагу: хотят, чтобы я представила списки работающих в заведении. Как пишется твое полное имя?

Ада продиктовала.

– Национальность?

– Я американка.

Ада уже три раза ходила в консульство США, надеясь выправить себе бумаги, но злой морской пехотинец не пускал её внутрь:

– Паспорт есть? Нет? Ну и проваливай!

– Но у меня папа из Техаса! – настаивала Ада. – И тетя Клэр!

– Проваливай!

В графе «национальность» Марта написала «русская».

– Замужем? Скажем, что да.

– Мы с Климом просто снимаем комнату на двоих!

– Не имеет значения. Иди работай.

Ада медленно побрела вниз по лестнице.

В целом свете у нее не было никого, кроме Клим, и ей хотелось, чтобы их отношения были понятны и ей самой, и окружающим. Но на деле выходило черт-те что: она жила в одной комнате с мужчиной, который был старше её на восемнадцать лет и не являлся ни её супругом, ни родственником.

Клим провожал и встречал Аду, заботился о ней, смешил и учил жонглировать – и это умение помогло ей заработать немало чаевых. Но при этом он держался так, будто они были всего лишь добрыми приятелями.

Один раз Клим предложил Аде перебраться в детский дом, где жили русские девочки:

– Там тебя хоть вышивать научат. А в «Гаване» ты каждый день пьешь и табачищем дышишь...

– Сами меня туда привели! – огрызнулась Ада. её оскорбляла мысль о том, что Клим хочет от нее отделаться.

В «Гаване» её приучили ценить в себе женщину, и она переняла у такси-гёрл их манеру соблазнять каждого встречного-поперечного. Но, несмотря на все усилия, Клим Аде не поддавался.

Иногда она специально начинала переодеваться при нем и ждала, что он скажет. Клим вздыхал и молча выходил в коридор. Ада злилась: чего он строит из себя? Он считает, что она его недостойна?

Уже из принципа Ада решила, что добьется своего. Однажды, когда он спал, она легла рядом с ним и, немея от собственной дерзости и распутства, положила руку ему на бедро.

Клим мгновенно проснулся и спихнул Аду на пол.

– Вы что, сдурели?! – завопила она, потирая ушибленный локоть.

Сев на постели, он скрестил руки на груди.

– Ада, прекрати! Ты же возненавидишь меня...

– Я и так вас ненавижу! – перебила Ада и заплакала. – Вы меня не любите!

– Дурочка, тебе ещё замуж выходить!

Самое обидное: в «Гаване» все считали Клим Аде любовником, и такси-гёрл то и дело поддразнивали Аду из-за этого. Как-то раз они заперли гримерку на ключ и прямо при ней начали обсуждать, кто как предохраняется от беременности – специально чтобы научить её уму-разуму.

– Ни один мужчина презервативов не любит, потому что резинки грубые и всё время рвутся, – говорила белокурая Аннетта. – Твой Клим сто причин придумает, лишь бы ничего не использовать.

Другие такси-гёрл согласно кивали:

– Женщина всецело зависит от своего любовника. Ему-то что? Отряхнулся и побежал, а тебе аборт делать. Лучший способ – это сразу после этого дела подмываться уксусной водой.

– Нет, девочки, лучше американской кока-колой. Только надо потрясти бутылку, чтобы было побольше пены...

Ада закрыла уши ладонями, но ирландка Розалин силой заставила её опустить руки.

– Я тебе про самое верное средство расскажу, – шепнула она Аде. – Берешь квадрат из тонкого полотна два на два дюйма, натираешь его свиным салом и закрываешь шейку матки.

Если бы Ада знала, где эта шейка находится! Дома она попыталась её обнаружить и даже разглядывала себя в осколок зеркала, но так ничего и не нашла.

Утром после работы Ада забиралась на верхние нары и перед тем, как уснуть, долго лежала в обнимку с подушкой и наблюдала за Климом.

Он раздевался до пояса, и она с жгучим любопытством смотрела, как он отжимается от пола или подтягивается на деревянной палке, вставленной между косяками. На его широкоплечей спине перекачивались тугие мышцы; подтяжки были спущены, и край штанов сдвигался так низко, что Ада замирала от сладкого ужаса: вдруг ей откроется что-то совсем непотребное?

Каждый день Клим куда-то уходил и добывал гроши себе на еду – кажется, какой-то поденной работой, о которой он никому не рассказывал. За комнату все так же платила Ада. Может, поэтому он не расценивал её как свою девушку?

Ада отправила письмо в Техас и со дня на день ждала ответа.

– Тетя Клэр подтвердит, что я американка по отцу, – говорила она Климу. – Скоро мне вышлют денег на дорогу, а вы так и останетесь сидеть в Шанхае один-одинешенек.

Ада чувствовала себя золотом под ногами слепого.

3

Как только потеплело, русские иммигранты стали выходить на трудовой рынок в китайском городе. Сгребали сено, оставшееся после кормления буйволов и лошадей, и устраивались на нем в ожидании нанимателей. Цену за поденный труд писали мелом на подошвах ботинок: те, кто послабее, просили двадцать пять центов, молодые и сильные замахивались аж на доллар. Китайские подрядчики ходили между вытянутых ног и после нещадной торговли уводили с собой рабочую силу.

Трагическое и величественное зрелище: сотни людей продавали себя в рабство, на самую тяжёлую каторгу, и были счастливы, когда на них находился покупатель. Они и рады были бы найти что-то получше или получить новую специальность, но на учебу нужны силы и время. А когда ты вкалываешь с утра до вечера, про книжки можно забыть. Да и откуда их взять? Они денег стоят. Впрочем, большинство иммигрантов всё равно не могло их прочесть: в Шанхае не продавались учебники на русском языке.

Клима взяли на кожевенный завод – так назывались несколько сараев, стоящих среди гор мусора и склизких отходов. Земля вокруг была выжжена химикатами; от бассейнов, где вымачивались свиные кожи, поднимались зловещие испарения, а запах гнилья стоял такой, что мутилось в голове.

Хозяин велел Климу и другим поденщикам вытаскивать шкуры и соскабливать с них полуразложившуюся шерсть. Невозможно было поверить, что из белесой сопливой дряни, к которой и прикоснуться-то страшно, однажды выйдет дамская сумка или изящный башмачок.

Известковая пыль поднималась в воздух и заслоняла солнце. Вскоре лица и одежда рабочих покрылись тонким белым налетом – будто их вываляли в муке. Бледные фигуры двигались, как призраки, в клубах дыма и испарений: махали крючьями, перетаскивали стопки шкур и волокли тяжёлые баки с красителями.

Китайцы посмеивались над Климом:

– Вот теперь ты стал настоящим белым человеком!

– На себя посмотрите! – огрызнулся он.

Вечером, когда все собрались перед кассой, к распахнутым воротам подкатил сверкающий лаком автомобиль, из которого вышла молодая, высокая, чуть сутулая дама с продолговатым узким лицом и светло-кариими миндалевидными глазами. Она была наряжена в маленькую французскую беретку, мужские ботинки с замшевым верхом и дорогой клетчатый костюм, который ей совершенно не шел.

Запах гнилья настолько ошеломил её, что она спала с лица. Рабочие загоготали.

– Тут кто-нибудь говорит по-английски? – громко спросила дама.

Ей не ответили. Китайцы смотрели на нее как на глупую курицу, которая сама попросилась в суп: тут ненавидели богатых иностранцев.

– Я журналистка, – представилась дама, поправляя выбившийся из-под беретки русый локон. – Я работаю в газете «Ежедневные новости Северного Китая», и мне надо написать статью о детях, работающих на вашем заводе.

Клим молча разглядывал ее: журналистка, надо же... Оказывается, такая профессия ещё существует.

Он показал ей на стайку чумазных мальчишек, сидевших у забора:

– Вон ваши герои.

– О, спасибо! – обрадовалась она. – Вы не могли бы...

Подбежавший хозяин перебил её.

– Кто вас сюда пустил?! – заорал он, мешая английские и китайские слова. – Езжайте в свою концессию и там вынюхивайте, что вам надо! А тут наша территория!

– Правильно! – загалдели рабочие. – Пошла вон!

Дама попятилась:

– Но я хотела...

– Убирайтесь отсюда!

Под свист и улюлюканье журналистка поспешно села в автомобиль, шофер завел мотор, и они уехали. Вслед им полетели комья грязи.

Клим с досадой смотрел на разгоряченных победителей. Он-то подумал, что ему выпал шанс познакомиться с сотрудницей английской газеты. Он мог бы помочь даме с переводом – за последнее время его шанхайский значительно улучшился. Но, видно, не судьба...

Клим получил свою плату и вышел за ворота. Вдоль дороги стояли бедняцкие хижинки; багровые от натуги возчики толкали перед собой тележки, на которых по трое-четверо сидели работницы спичечной фабрики. У них были искалечены ступни, и им приходилось нанимать кули, чтобы те возили их до проходной и обратно.

Сидя на крылечках, старики играли в маджонг – азартную игру с костяными фишками; рядом возились дети. У самых маленьких сзади на штанах были разрезы, и, если ребёнку надо было сходить по нужде, он приседал и делал свои дела на дороге.

От усталости у Клим онемело все тело, в горле першило, а кожа на лице и шее горела, как от ожога. Ещё месяц такой «работы» – и точно подхватишь либо астму, либо туберкулез.

Загудел клаксон, и с Климом поравнялся давешний автомобиль.

– Садитесь, я подвезу вас, – сказала дама-журналистка, открыв заднюю дверцу.

Клим в изумлении смотрел на нее.

– Я вам всю машину измажу, – начал он, но дама отмахнулась:

– Ничего, почистим. Меня зовут Эдна Бернар. А вас как?

Клим представился.

– Значит, я правильно угадала, что вы русский! – просияла дама. – Вам куда?

– Во Французскую концессию.

– Ну и отлично. По дороге расскажете мне, что происходит с детьми на вашем заводе.

Когда Клим последний раз ездил в автомобиле? Несколько лет назад; да и то была разбитая белогвардейская колымага. А у Эдны Бернар имелся новенький красавец «бьюик» с полированной панелью, блестящими ручками и удобными кожаными сиденьями. Знала бы хозяйка, из чего эти сиденья делаются!

Клим рассказал ей, что на кожевенных предприятиях дети растягивают шкурки для просушки – каждую надо было прибить к доске десятком гвоздиков, чтобы кожа не покоробилась. Работа не самая трудная, но ею приходилось заниматься по двенадцать-пятнадцать часов в сутки без выходных. При этом ребёнок постоянно глотал известковую пыль и дышал испарениями.

Детям полагалось по семь долларов в месяц, однако мало кто получал жалованье целиком – мастера штрафовали их за любую мелочь. Глазеешь по сторонам в рабочее время – минус пять центов, сбегал до ветру без разрешения – минус двадцать центов, громко плачешь – минус доллар.

Хозяин раньше нанимал сирот из приюта при католическом монастыре, но время от времени монахи приезжали и проверяли, как обращаются с их воспитанниками, и потом начинались нудные разбирательства с религиозными комитетами и обществом «Защитим детей».

– Теперь хозяин берет только деревенских ребятишек, – сказал Клим. – Их родителям врут, что за время обучения детям дадут шестьдесят долларов и три смены одежды, а на самом деле их будут обирать и бить. Мало кто из них дотянет до двадцати лет, а те, кто выживут, превратятся в тёмных, затравленных и жестокосердных взрослых.

– Как же вы там работаете? – спросила потрясенная Эдна.

Клим пожал плечами:

– Как и все.

Шофер подвез его до авеню Жоффр.

– Мне ещё надо наведаться на шелкопрядильную и спичечную фабрики и посмотреть, что там происходит, – сказала Эдна. – Хотите поехать со мной?

Клим покачал головой.

– Миссис Бернар, я работаю с шести утра.

– Я буду платить вам! Сколько вы хотите? Пять долларов? Десять?

Для Клима пять долларов были недельным заработком, а для Эдны – мелочью, о которой даже не стоило думать. Она выдала ему аванс, и они договорились встретиться завтра в девять утра на том же месте.

4

Когда статья о китайских детях была опубликована, Эдна получила полторы сотни читательских откликов – для нее это был небывалый урожай.

В качестве нового редакционного задания ей поручили поговорить с беженцами, и она снова позвала Клима на помощь. В течение нескольких дней они ходили по рынкам и трущобам и разговаривали с русскими иммигрантами.

Раньше бедняки не особо стремились рассказывать Эдне о своих бедах – они видели в ней либо злодейку, притворявшуюся добренькой, либо чудачку, сующуюся не в свое дело. Но с Климом всё было по-другому: он сразу располагал к себе людей. Кроме того, он был наблюдателен и умудрялся подмечать детали, которые придавали репортажам Эдны особый колорит.

На её гонорары Клим справил себе полный гардероб, от шляпы до парусиновых ботинок, – и совершенно преобразился.

– Кем вы были до революции? – как-то спросила его Эдна. – Гвардейским офицером?

– Ни за что не догадаетесь. Аргентинским журналистом.

Она выслушала его историю.

– Если бы вы хорошо писали по-английски и могли предоставить рекомендации, вы бы и дня не просидели без работы, – сказала она. – Я подумаю, как вам помочь.

Глава 4. Американский адвокат

1

Иржи напрасно боялся, что их с Ниной будут искать: в городе обитали десятки тысяч людей без документов, и полиция ими нисколько не интересовалась. Шанхай жил по правилам переполненного вагона: тот, кто находился снаружи, был врагом, а те, кто уже пробрались внутрь, сразу становились своими.

Поначалу Шанхай казался Нине чуть ли не сказочным царством, но потом наступило отрезвление. Ей никто не объяснял местных правил, и их приходилось изучать на собственных ошибках. Кто знал, что в магазинах можно и нужно торговаться? Что нельзя пить воду из-под крана, иначе заболит живот? Что прислуге надо давать на чай за малейшую услугу, даже если ты не просила о ней?

Деньги и уверенность в себе стремительно таяли: время шло, а Нина так и не придумала, на чем можно заработать.

Ее потрясала сложность и развитость шанхайской экономики. На фабрике могли трудиться мигранты из провинции Аньхой, управляли всё японцы, сырье поставляли из Кореи, станки – из Великобритании, сбытом занималась французская фирма, а страхованием – американцы. При этом конечный продукт отправлялся в Бразилию.

При всём желании Нина не могла влиться в этот сверкающий поток богатства, связей и возможностей: во-первых, она была женщиной, во-вторых, у нее не было гражданства и начального капитала, а в-третьих, Нина мало что понимала в коммерции.

– Давайте откроем кинотеатр? – предлагала она Иржи. – Снимем помещение и возьмем в прокат скамьи и проектор.

Но Лабуда каждый раз поднимал её на смех:

– Замучаетесь утрясать дела с цензурными комитетами. В Шанхае их три штуки: международный, французский и китайский, – и каждый требует вырезать из фильма что-то свое. Помните, мы с вами ходили на «Любовников ночи» и вообще не поняли, о чем шла речь? Когда публика недовольна, она ломает скамьи и аппарат. Кто будет платить за испорченное имущество?

– Может, возьмем подряд на ремонт дороги? – не сдавалась Нина. – Вы же видели, как тут чинят мостовые: булыжник выпадает, приходят кули и замазывают дыру глиной. Все это держится до следующего дождя.

Лабуда смотрел на нее как на дурочку.

– Подряд вам никто не даст, это слишком доходное дело. Глина бесплатная, кули стоят меньше доллара в день, а за дорожные работы муниципалитет платит большие деньги. Подрядчик дает отцам города взятки и специально делает работу кое-как, чтобы на дороге как можно скорее появилась новая яма и его опять позвали её заделывать.

Русские стали олицетворением злостных неплательщиков. Если раньше Нина могла набрать в лавке товару и расплатиться через месяц, то теперь, заслышав её акцент, приказчики требовали деньги вперед. В банке клерк даже не захотел разговаривать с ней о кредите. «Лица без гражданства не обслуживаем», – сказал он и закрыл окошко.

Всё чаще и чаще Нина впадала в тоску: «Это мне наказание за то, что я бросила мужа».

Она попыталась разыскать Климата, но так и не нашла. В русском консульстве он не регистрировался, а в православной церкви на нее сразу накинудись старые знакомые: «Гляньте на эту бесстыжую! Явилась, вся в мехах... Ну и где твой чешский кавалер?»

От Иржи не было никакого толку: он даже не надеялся на успех и прямо говорил Нине, что она проест деньги и превратится в мелкую уголовницу, а сам он сопьется и умрет. Он злился на себя из-за собственной никчемности, а ещё больше на Нину – за то, что она пыталась трепыхаться и тем самым подчеркивала, что у нее больше мужества и силы духа. Порой он так надоедал ей своими мрачными предсказаниями, что ей хотелось запустить в него туфлей.

«Что же мне теперь делать? – думала Нина. – Искать нового мужа?»

В надежде познакомиться с кем-нибудь она несколько раз выходила к тиффину в «Астор-Хаусе», но эта затея с треском провалилась. Нина не понимала, в чем дело: она выглядела лучше всех в своем шелковом платье и жемчугах; её приглашали танцевать, но никто из кавалеров не захотел продолжить с ней знакомство.

Она возвращалась в номер вне себя от гнева.

– Они какие-то ненормальные! – жаловалась она Иржи. – Сначала молчат, как рыбы, а потом и вовсе сбегают!

Тот только посмеивался:

– А я их вполне понимаю. Мужчинам нравятся веселые и беззаботные женщины, а у вас вид, как у злой сосачки. Ой... То есть у сосульки. Нет, я неправильно по-русски говорю... Как называется тот, кто пьет человеческую кровь?

– Комар, – раздраженно отозвалась Нина.

2

Она давно хотела сходить в церковь, но так и не решилась вернуться в православный храм.

Иржи позвал её с собой на католическую литургию.

– Если вы будете делать то же, что и остальные, никто вам и слова не скажет, – заверил он Нину, и она согласилась.

Собор Святого Игнатия был самым высоким зданием Шанхая, и сюда ежедневно привозили туристов, чтобы они полюбовались на прекрасные витражи и увенчанные крестами шпили.

Из распахнутых дверей доносились звуки органа и запах ладана, но, когда Нина и Иржи вошли в собор, оказалось, что там шла заупокойная месса.

– Подождите здесь, – сказал Иржи и куда-то исчез.

Расстроенная Нина опустилась на скамью. От молитвенного настроения не осталось и следа: украшенный венками гроб показался ей недобрый знаком.

Послышалось чье-то сопение, и рядом с Ниной уселся толстый человек в кожаном плаще.

– О, мадам, какая встреча! – прошептал Дон Фернандо и, не спрашивая позволения, чмокнул Нину в щеку. – Знаете, кто это лежит в гробу? Мой лучший друг Августо.

На лице Дона Фернандо не было и тени печали. Он принялся рассказывать Нине, что Августо не слушал его советов, полез не в свое дело и в результате получил пулю в сердце. Можно было не сомневаться, что Дон сам приложил к этому руку.

Нина молча слушала его. Дожила: единственный человек, который искренне рад её видеть, – это портовый бандит.

Сидевший перед ними худенький старичок оглянулся и приложил палец к губам, призывая Фернандо к тишине, но тот так грозно посмотрел на него, что бедняга поспешно перебрался на другое место.

– Как вам Шанхай? – спросил Дон у Нины. – Процветаете? Или пока не очень?

– Вы были правы, – едва слышно произнесла она. – Мне нужны документы.

– Сделаем! Хотите испанский паспорт? Напечатают прямо здесь, в Чжабэе.

– Меня не интересуют фальшивки! – перебила Нина. – Мне требуется удостоверение личности, с которым можно получать кредиты.

– У-у-у, это триста долларов, не меньше.

– Почему так дорого?

– Потому что в Шанхае беженцев со всего мира – как крыс. Без паспорта вы никто, вас даже в библиотеку не запишут. Консулы не хотят рисковать: выдашь документ какой-нибудь аферистке, она натворит дел, а им отвечать.

– Значит, спрос на документы большой?

Дон Фернандо схватил Нину за руку:

– Пойдемте на свежий воздух, не будем мешать родственникам покойного.

Они вышли на улицу и сели на скамейку в церковном саду.

– Спрос есть только на бумаги приличных государств, – объяснил Дон Фернандо. – Например, с бельгийским паспортом можно получить визу в любую страну мира. Но лучше всего быть гражданином одной из держав с правом экстерриториальности.

– Что это такое? – не поняла Нина.

– Права белого человека! Если вы, скажем, гражданка Великобритании, то китайские власти ничего не могут вам сделать – вас должен судить английский консул. То же самое касается французов, американцев, мексиканцев и ещё некоторых других. У русских раньше была

экстерриториальность, но они её просра... ой, пардон!.. В общем, либо равенство и братство, либо права белого человека.

Нина задумалась.

– В Шанхае есть консульство Чехословакии? – спросила она.

– Чего?

– Чехословакии. Это новая страна; она раньше входила в состав Австро-Венгрии, но после войны объявила о независимости.

Дон Фернандо сдвинул шляпу на затылок.

– Первый раз слышу. Консульства наверняка нет. В этой Европе такая неразбериха, что у нее не скоро дойдут руки до Китая.

– Значит, я сама открою чехословацкое консульство, – проговорила Нина. – И сама буду продавать паспорта. Что требуется, чтобы меня восприняли всерьез?

Дон Фернандо вытаращил глаза:

– Вы ведь шутите, да?

– Нисколько. Если вы можете подделать паспорт, вы легко напечатаете и консульские бумаги. Всё сделаем честь по чести: маленькая республика желает охранять интересы своих граждан в Китае. Если здесь никто не знает о существовании Чехословакии, значит, никто не сможет оспорить подлинность моего учреждения. А настоящего чешского консула я им предоставляю: он вам и про политику, и про культуру, и про всё, что хотите, расскажет.

– Вас посадят в китайскую тюрьму, – убежденно сказал Дон Фернандо. – Впрочем, знаете что? Дайте ручку поцеловать! Для начала вам надо поговорить с хорошим адвокатом: например, с Тони Олманом. Он меня много раз из дерьма вытаскивал.

– Какого именно?

– Уголовного, разумеется.

– Ваш Олман знает международное право?

Дон Фернандо начал загибать пальцы:

– Он знает и международное право, и морское, и французский Кодекс Наполеона, и право всех сорока восьми штатов США вкупе с решениями федеральных судов. Плюс ко всему он отлично ездит верхом – а это для шанхайского адвоката обязательное требование.

– Почему? – не поняла Нина.

– Потому что все местные судьи увлекаются конным поло, и, если адвокат играет с ними, у него заводятся нужные связи.

3

Дон Фернандо нанял двух рикш и велел им везти себя и Нину на Пекин-роуд.

– Я всегда подозревал, что мужчины совершают большие поступки из храбрости, а женщины – от отчаяния, – орал он, перекрывая шум улицы. – Хочешь стать свидетелем подвига – напугай даму до полусмерти!

Нина не отвечала ему. Она понимала, что её затея безумна: Иржи в обморок упадет, когда узнает о её планах; если полиция их поймает, то посадит в китайскую тюрьму – это верная смерть. Но отступать было некуда.

Адвокатская контора «Олман, Борман и Певзнер» располагалась в красивом пятиэтажном здании с лифтом. Дон Фернандо без стука ввалился в приемную и поманил Нину за собой:

– Сейчас я представлю вас лучшему юристу Шанхая!

На столе стоял невысокий, ладно одетый господин с подкрученными усами и вешал на стену старинный свиток. Ему помогали два китайца в европейских костюмах.

– Дон Фернандо, это вы?! – воскликнул усатый и спрыгнул на пол. – Мистер Янг, мистер Хе, оставьте поэмы; можно не торопиться.

Это был Тони Олман. Он представился Нине и объяснил на хорошем французском, что китайцы дарят ему подарки за удачно проведенные дела – образцы каллиграфии, поэмы и прочее.

– Клиенты хотят, чтобы их дары были всё время на виду, а в конторе уже нет места, так что каждый день нам приходится всё перевешивать – в зависимости от того, кому назначен прием.

Кабинет Олмана был наполнен книгами, спортивными кубками и охотничьими трофеями; у окна стояла подзорная труба на треноге, а на стене висела мишень для дротиков.

– Это адвокаты развлекаются, – объяснил Дон Фернандо. – Борман предсказывает котировки акций, подбрасывая монету, Певзнер кидает дротики, а Олман подглядывает за окнами брокерской конторы напротив.

Олман показал гостям на широкие тёмно-красные кресла:

– Присаживайтесь, пожалуйста! Чем могу быть полезен?

Нина чувствовала себя как неверная жена на приеме у венеролога. Она всеми силами пыталась строить из себя приличную даму, но волей-неволей должна была признаться в греховных делах.

Олман выслушал её, не выказывая и тени удивления, – будто к нему каждый день приходили жулики, мечтающие заработать деньги на фальшивых паспортах.

– Консульство сделать можно, – сказал он. – Патент мы нарисуем, а экзекватура будет настоящая: оформим её через Комиссариат по иностранным делам. Как долго вы хотите продержаться?

– Как получится, – отозвалась Нина, немного осмелев.

Олман задумчиво подкрутил усы:

– Вы покусаетесь на чужой хлеб, так что другие консулы начнут выяснять, кто вы и что из себя представляете. Я дам вам совет: забудьте о паспортах и займитесь шампанским.

– Точно! – хлопнул себя по ляжкам Дон Фернандо.

– Что вы имеете в виду? – не поняла Нина.

– Таможенный сбор за ящик шампанского составляет девяносто пять долларов, – пояснил Олман. – Консулы имеют право закупать спиртное беспошлинно – для представительских целей, так что если вы закажете десять ящиков, то неплохо сэкономите.

– Но таможенники наверняка заподозрят неладное! Десять ящиков даже за месяц не выпьешь.

– В одиночку – безусловно. Но если чехословацкий консул будет устраивать небольшие приемы, то никто не станет считать, сколько выпили его гости.

– Мадам, сбыт шампанского я вам организую! – воскликнул Дон Фернандо. – А приемы будут по вашей части. Идет?

Нина не ожидала такого поворота.

– Кого я буду приглашать? Ведь я никого не знаю.

Олман повернул к ней фотокарточку, стоящую на его столе. На ней была изображена миловидная блондинка с ямочками на щеках.

– Я познакомлю вас с моей женой Тамарой. Она наверняка что-нибудь придумает.

Предприятие решили делать на паях: Нина брала на себя переговоры с Иржи и всю представительскую часть, Дону досталась продажа спиртного, а Олман пообещал оформить документы и договориться с китайскими бюрократами.

* * *

Выйдя на улицу, Фернандо послал в небо воздушный поцелуй.

– Пресвятая Дева, я Твой должник!

Он повернулся к Нине:

– Вы не представляете, как нам повезло, что Олман вошел в наше предприятие! С ним мы ничем не рискуем – у него слишком большие связи. Ну, и денег куры не клюют.

– Зачем же мы ему понадобились? – удивилась Нина. – Если он так богат, то несколько сотен долларов погоды ему не сделают.

– Это всё из-за жены. Она была первой гранд-дамой Шанхая, но год назад свалилась с лошади и сломала позвоночник. Ей скучно сидеть дома, вот Олман и решил развлечь её с помощью вашей аферы: она любит такие спектакли с переодеваниями. К тому же Тамара русская, как и вы, так что вам будет о чем поговорить.

– А вы когда-нибудь встречались с этой Тамарой? – спросила Нина. – Что она из себя представляет?

– О, это великая женщина! – благоговейно произнес Дон Фернандо. – Представляете, у нее всё отсохло ниже пупа, а её супруг даже по борделям не ходит. Вот такая у них любовь!

4

Нина объявила Иржи, что он должен стать фальшивым консулом.

– Очень мило! – возмутился тот. – Вы будете зарабатывать на мне деньги, а случись что, в тюрьму сяду я?

– Если вы отказываетесь, мы расстаемся, – жестко ответила Нина. – У меня нет денег, чтобы содержать вас, так что можете собирать вещи.

Иржи сник. Он давно готовил себя к этому моменту, но только теперь в полной мере осознал весь ужас своего положения. Куда ему идти? Кому нужен музыкант с отрезанными пальцами?

– Хорошо, я буду консулом, – не поднимая глаз, произнес он.

Иржи понимал, что Нине тоже нелегко было решиться на преступление. Чтобы хоть как-то оправдать свои действия, она придумала себе врагов – граждан Великих Держав, которые «заставили» её пойти по кривой дорожке.

– Они боятся нас и поэтому хотят выжить из Шанхая. Но мы не сдадимся без боя!

– Да хватит вам перекладывать вину на других! – вздыхал Иржи. – Мы с вами просто не умеем честно зарабатывать деньги.

Но Нина его не слушала.

– Я пыталась сделать всё законным путем! А вы, вместо того чтобы помогать мне, целыми днями лежали на диване и читали фельетоны в газетах! Если уж на то пошло, вините себя!

Иржи разглядывал её лицо, шею с тенью от серьги, плечо с родинками, похожими на созвездие Дракона... Как просто было бы ненавидеть это непоследовательную, страстную и жестокосердную эгоистку, если бы она не была такой... такой... Иржи не знал правильного слова ни по-чешски, ни по-русски.

Собираясь к Олманам, Нина и не подумала пригласить его с собой.

Иржи долго стоял у двери, прислушиваясь к гулу лифта, а потом подошел к комоду, в котором Нина хранила белье. Всё, что ему было доступно, – это запускать искалеченную руку в её шелковые сорочки и вдыхать нежный запах её панталон. При малейшем шорохе сердце Иржи вздрагивало, и он в панике рассовывал всё по ящикам, мучительно стараясь вспомнить, что где лежало.

5

Нина подъехала к усадьбе Олманов в семь вечера. У ворот появился тихий слуга и повел её по дорожке, посыпанной красным песком. Над газонами поднимался пар; в кронах деревьев чирикали птицы.

Нина волновалась, как перед первым свиданием. А что, если она не понравится Тамаре? Иржи был прав, когда сказал, что Нина отпугивает от себя людей: никому не охота быть рядом со взвинченной женщиной, которая способна думать только о деньгах. Хочешь, чтобы с тобой дружили, – будь остроумной и беззаботной, приноси удовольствие и не доставляй хлопот.

Слуга вывел Нину к дому. В распахнутых настежь окнах надувались белые москитные сетки, и за ними виднелась ярко освещённая комната с роялем, книжными шкафами и мягкими восточными диванами.

Трое голоногих мальчишек в скаутской форме строили на ковре крепость.

– Куда ты суешься? – кричал один из них по-английски. – Это же крыша! Сейчас всё из-за тебя упадет!

– Ничего не упадет! Ма-а-ам! Ну скажи ему!

Под роялем две бело-рыжие борзые глодали огромную кость – каждая со своей стороны.

– Сюда, пожалуйста, – поклонился слуга, пропуская Нину в комнату.

Тамара сидела в кресле, обложенная вышитыми подушками. Рядом в узорчатой клетке прыгали маленькие разноцветные попугаи.

– Нина Васильевна? Очень приятно! – произнесла Тамара, протягивая ей бледную сухую руку. – А меня называйте без отчества, я от этого совсем отвыкла.

У нее были белые, совершенно седые волосы и молодое, но сильно исхудавшее лицо – от былых ямочек на щеках не осталось и следа. Голубое шелковое платье подчеркивало бирюзовый цвет глаз, а запястье украшала нить жемчуга – видно, очень дорогого.

– А ну, ребятки, брысь отсюда! – велела Тамара детям. – Роджер, заberi своих псов, а то они мне все ковры перепачкали. Выпьте со мной кофейку, Нина Васильевна?

Тамара задавала вопросы, а Нина рассказывала о себе так, как это делал Клим, – подшучивая над собой и обстоятельствами. В её жизни не было несчастий – только приключения. Пришлось удирать от большевиков через всю Россию? О, да, это была незабываемая поездка! Всю дорогу Нина лечилась голоданием и принимала грязевые ванны – говорят, они очень полезны для здоровья. Общество в теплушках подобралось самое изысканное: московские профессора, офицеры Генштаба, оперные певцы и предводители дворянства. Все любезно помогали друг другу давить вшей и проклинать революцию.

Тамара с интересом слушала Нинины истории. её отец, служивший в Русско-Китайском банке, вывез её из России двадцать лет назад, и она имела смутные представления о том, что творилось на родине.

– Вы говорите по-английски? – спросила Тамара.

– Немного, – призналась Нина. – Но русский акцент всё портит.

– Считайте его не недостатком, а изюминкой. Лично мой акцент никого не смущает.

Ещё бы он смущал! Если ты живешь в роскошном особняке и имеешь такого мужа, как Тони Олман, можно говорить хоть с марсианским акцентом.

– Тони рассказал мне о вашей затее, – проговорила Тамара. – Давайте сделаем так: у нас есть дом рядом с ипподромом, и мы сдадим его вам за символическую плату. Там достаточно места для проведения балов.

– Каких балов? – не поняла Нина. – Ведь речь шла о небольших приемах...

– Если уж играть, то по-крупному, – с улыбкой отозвалась Тамара. – Пока я слушала вас, мне в голову пришла отличная идея. Давайте мы представим вас как русскую графиню,

приехавшую из Европы к своему родственнику, чехословацкому консулу. В честь своего прибытия вы устроите маскарад под названием «Через сто лет». Я прочла в газете, что в Шанхай завезли новый материал под названием «целлофан»; предлагаю сделать из него наряды будущего. Расходы я возьму на себя, а вы заработаете на торговле шампанским. Сейчас мы решим, кого можно к вам пригласить.

Тамары взяла со столика карандаш и тетрадь и начала записывать фамилии:

– Спанта брать не будем – он дружит с британским консулом, а от настоящих консулов нам надо держаться подальше. Лучше пригласим Макграфов – они вообще политикой не интересуются. Когда-то Люсиль Макграф говорила, что я её лучшая подруга, но она уже два месяца не заходила ко мне. Вот мы её и проучим!

Со слов Тамары Нина поняла, что та смертельно обижена на своих знакомых. её вычеркнули из списков гостей, и старые друзья всё реже и реже приходили к ней с визитами. Так молодые и здоровые отдаляются от стариков, чтобы те не напоминали им о смерти.

Тамаре казалось, что её уже похоронили. Она не мыслила себя вне высшего общества с его балами, регатами, скачками и благотворительными базарами. Тело её было разбито параличом, но она решила, что ещё поживет светской жизнью через Нину, а заодно разыграет своих приятелей, подсунув им двух жуликов под видом европейских аристократов.

О дружбе с ней не могло быть и речи: Нину *нанимали*, чтобы она веселила хозяйку. Работа была опасная: «чехословацкого консула» и его «родственницу» в любой момент могли разоблачить и посадить в тюрьму, – но зато и плата была щедрой.

«У меня нет другого выхода, – повторяла про себя Нина. – Сейчас главное – вставить ногу в дверь, а там будет видно».

6

Вернулся из конторы Тони Олман, и слуги подали ужин. За столом было шумно и весело: Тамара учила сыновей делать катапульты из ложек и вязать морские узлы на салфетках. Тони, осипший после трехчасового выступления в суде, с аппетитом ел, больше всех смеялся и рассказывал о том, как полиция арестовала склад с контрафактными пластинками на двадцать тысяч долларов.

В Шанхае подделывали и копировали всё, что рекламировалось в прессе, – от таблеток от кашля до тетрадей с нотами, – и Олман вел дела компаний, которые пытались бороться с китайскими мошенниками. У него в штате состояло несколько сыщиков: они вынюхивали, на каких складах хранятся незаконно отпечатанные книги и пластинки, и после этого Олман добивался либо денежной компенсации, либо уничтожения товара. Но тем, кто занимался не копированием, а подделкой, спуска не давали, ибо преступники замахивались на святое – на репутацию фирмы.

– Как же вы отличаете контрафакт от подлинника? – спросила Нина.

– По этикеткам, – объяснил Тони. – Наборщики в местных типографиях не знают иностранных языков и часто ставят буквы вверх ногами или путают их местами. Ещё один верный признак – в предложениях нет пробелов или знаков пунктуации. Когда мой сыщик находит подделку в магазине, он выдает себя за крупного оптовика и по цепочке выходит на изготовителя.

– А почему полицейские сами не ведут расследования?

Переглянувшись, Тони и Тамара рассмеялись.

– Любая чиновничья должность в Китае – это не место службы, а место кормления. Если полицейским не дать взятку, они палец о палец не ударят.

– А если изготовители контрафакта дадут взятку побольше?

– На этот случай у нас есть Дон Фернандо, – сказал Тони. – Он умеет решать подобные вопросы.

Нина усмехнулась: так вот почему Олман водил дружбу с портовым бандитом!

В течение всего вечера она приглядывалась к Тони. Он действительно боготворил жену: все его байки предназначались ей; он сам подливал ей апельсиновый сок и следил, чтобы её не продуло на сквозняке. Первый раз в жизни Нина видела успешного, сильного и богатого мужчину, который предпочитал калеку всем остальным женщинам мира. Это было странно и восхитительно.

Когда горничная объявила, что за гостьей приехал таксомотор, Тони пошел провожать Нину до крыльца.

Спустилась ночь, и слуги зажигали гирлянды китайских фонарей вдоль подъездной аллеи.

– Спасибо вам! – тихо сказал Тони, пожав Нине руку. – Я очень рад, что Тамара познакомилась с вами: мы давно не видели её такой веселой.

Нина смутилась:

– Не за что...

Клим говорил, что самое важное – это чувствовать себя любимым, здоровым и способным на великие дела. Из трех пунктов у Тамары присутствовал только один – любовь мужа и детей, и это позволяло ей держаться на плаву. А у Нины было только здоровье, но, если бы она завтра сломала позвоночник, о ней никто бы не позаботился.

Глава 5. Голубой экспресс

1

Записная книжка «Доходы и расходы»

Эдна привела меня в святая святых – редакцию «Ежедневных новостей Северного Китая». Кто-то называет это издание «империалистическим рупором», кто-то – «сборищем недотеп в розовых очках», кто-то – «либеральной газетенкой». Определенно можно сказать только одно: «Ежедневные новости» – это самая популярная, влиятельная и престижная иностранная газета, когда-либо созданная на территории чужого государства.

Увы, главный редактор, мистер Грин, не поверил, что из меня может выйти толковый репортер. Он выслал меня за дверь кабинета, но я слышал, как он втолковывал Эдне:

– Ваш протеже не в состоянии грамотно писать по-английски, и я не собираюсь нанимать для него отдельного редактора. Если у человека нет квалификации, ему надо работать курьером, а не журналистом.

– Прекрасно! – воскликнула Эдна. – Зачислите Рогова на должность курьера. Он будет моим личным помощником.

Ее супруг регулярно платит за размещение рекламы в «Ежедневных новостях», поэтому мистер Грин не стал спорить.

Я делаю всё, чтобы отплатить Эдне добром. Раньше ради одной статьи она полдня бегала по городу и ещё полдня сидела за пишущей машинкой, а теперь мы делим работу пополам: я ищу сюжеты о лошадиных аукционах, трамвайных воришках, подпольных кулачных боях и т. п., а Эдна превращает всё это в довольно остроумные заметки.

Среди журналистов идет постоянное соперничество: чьи статьи на этот раз передерет китайская пресса. Незаконную публикацию ещё надо заслужить; такой чести удостоиваются только лучшие из лучших. Эдна на данный момент – безусловный лидер гонки, чем я весьма горжусь.

Как только у меня появилось постоянное жалованье, я сказал Аде, что настала моя очередь платить за жилье, и теперь она молится, чтобы меня не выгнали с работы. По её мнению, меня занесло чуть ли не в Царствие Небесное: ведь я каждый день здороваюсь с местными знаменитостями. Они, правда, не кланяются мне в ответ, но это не имеет значения.

Мне всё-таки хочется работать самостоятельно, и я попробовал написать на английском статью об Улице Непрерывного Счастья – так называют несколько кварталов вдоль Фучоу-роуд. В тамошних Домах Поющих Дев богачи покупают себе иллюзию влюбленности.

Браки в Китае заключаются по сговору родителей, романы на стороне караются очень строго, а дружить и откровенничать с женами не принято: они живут в своей половине дома, а мужа – в своей. Для респектабельных господ Дом Поющих Дев – одно из немногих мест, где можно без стеснения проявлять свои чувства.

Клиент снимает номер и приглашает туда девушку, которая въезжает к нему на плечах слуг – сильно накрашенная, разряженная в шелка и надушенная терпкими духами. Пока гость ужинает, барышня поет ему или читает поэмы.

Никто не может прийти и заплатить за девушку, как в обыкновенном борделе: за ней надо ухаживать, говорить комплименты и дарить подарки. Иной раз приходится потратить

несколько недель, а то и месяцев, прежде чем тебе ответят взаимностью. И хоть вечер в обществе красоток обходится в шестьдесят-семьдесят долларов, спрос на их услуги не иссякает.

Участь самих девушек незавидна: когда им исполняется двадцать два года, их изгоняют с Фучоу-роуд, а в случае беременности или болезни это может произойти ещё раньше. Если барышне удастся что-то скопить, она открывает лавку или собственный Дом Поющих Дев, а если нет – дело кончается дешевым борделем.

Я был уверен, что написал вполне достойную статью, но Эдна исчеркала её вдоль и поперек.

– У вас всё есть: детали, чувства... только нет элементарной грамотности, – сказала она. – Я не знаю, что с вами делать!

Что делать – как раз понятно. Я засиживаюсь в редакции дотемна и пишу бесконечные изложения: просматриваю чужие статьи, а потом пытаюсь скопировать их по памяти. Дело идет туго, и у меня нередко опускаются руки. Но я утешаю себя мыслью, что талант – это непреодолимое желание заниматься своей работой, несмотря на неудачи и отсутствие прогресса. Впрочем, я больше не путаюсь в артиклях и глаголах – а это немало! Ведь когда-то мне казалось, что английская грамматика мне недоступна.

2

Мистер Грин сказал, что прибавит Климу жалованье, если тот возьмет на себя переписку с китайцами, которые покупали «Ежедневные новости» ради изучения английского языка. Половина писем, приходящих в адрес редакции, содержала вопрос: «Я не могу найти в словаре такое-то слово. Что оно значит?»

Редакция была вынуждена отвечать, потому что китайская молодежь обеспечивала газете солидный доход. Всё уже было проверено: если студент присылал конверт с маркой и не получал ответа, он принимался ругать «Ежедневные новости» на каждом углу и из чувства протеста подписывался на конкурентов. А если ему приходило письмо, он был сам не свой от радости и служил самым лучшим агентом по подписке.

Днем Клим не успел разобраться с почтой и на следующее утро явился в редакцию затемно. Стоило ему сесть за стол, как дверь распахнулась, и на пороге появился мистер Грин – маленький сухощавый джентльмен с растрепанной кудрявой шевелюрой и бородой.

– Где Эдна? – не здороваясь, спросил он. – Всё ещё в Кантоне?

Клим кивнул. Неделю назад Эдна отправилась на юг Китая – брать интервью у доктора Сунь Ятсена, убежденного националиста, возглавлявшего провинцию Гуандун. У этого господина были далеко идущие планы: объединить страну, отменить неравноправные договоры с Великими Державами и покончить с междоусобицей губернаторов. Китайская молодежь была готова носить Сунь Ятсена на руках, но иностранцы не воспринимали его всерьёз: у доктора не было ни денег, ни кадров для создания армии, а без военной силы в Китае не решалась ни одна политическая проблема. Многие говорили, что доктор сбрендил на старости лет, но Эдна всё-таки решила выяснить, что это за тип и на чем держится его популярность.

Грин скрылся у себя в кабинете, но вскоре вернулся.

– Рогов, вы слышали новость? – спросил он, озабоченно хмуря седые брови. – На «Голубой экспресс» напали разбойники. Триста пассажиров захвачено в плен, в том числе множество иностранцев.

Клим присвистнул от удивления. «Голубой экспресс» был гордостью китайских железных дорог: его купили в США специально для того, чтобы обеспечить надежное и удобное сообщение между Пекином и Шанхаем, и билеты на него стоили так дорого, что им пользовались только богатые коммерсанты и чиновники.

Грин принялся названивать кому-то по телефону:

– Мне нужно послать корреспондента в провинцию Шаньдун. Майкл сейчас в отпуске, Эдна – в Кантоне, так что поедете вы. Вам надо добраться до городка Линьчэн – там уже организован штаб по спасению заложников. Что значит «не можете»? Во всех газетах будут экстренные сообщения, а мы что поставим? Ну и что, что там бандиты? Вы думаете, они каждый день захватывают поезда? Не валяйте дурака; вы просто трус!

Обзвонив нескольких человек, Грин в сердцах швырнул трубку на стол.

– Рогов, сколько времени?

– Без пяти семь.

– Вот дьявол! Поезд отходит через два часа, а я не могу никого найти!

Сердце Клим жарко стукнуло: вдруг это и есть долгожданный шанс отличиться?

– Я могу съездить в Линьчэн.

Грин в раздражении посмотрел на Клима.

– А вы-то куда суетесь?

– Я прошел через войну и не падаю в обморок при звуках выстрелов. Провинция Шаньдун – это разбойничий край: там каждая деревня – крепость. Спросите Эдну, умею ли я собирать сведения...

– Да знаю, знаю! – перебил Грин. – Ладно, времени всё равно нет... Возьмите мою машину и поезжайте на Ятс-роуд – там магазины уже открыты. Купите себе приличный костюм и сразу отправляйтесь на вокзал. Счет пусть пришлют на имя редакции. Как прибудете на место, отправьте мне телеграмму.

Получив от Грина удостоверение, Клим бросился вниз по лестнице. Он не сомневался, что сообщения о «Голубом экспрессе» займут первые полосы мировых газет.

3

Наскоро сформированный поезд вез в Линьчэн журналистов, военных и чиновников. Вагон потряхивало; за окном тянулись персиковые сады и залитые водой поля с молодой порослью риса.

Клим удивлялся причудливости судьбы: ещё с утра он был мелкой конторской сошкой, а теперь вдруг превратился в корреспондента солидной газеты – обладателя элегантного серого костюма, шляпы и купленных в ломбарде серебряных часов с надписью «За отличный глазомер».

В коридоре вагона Клим познакомился с Урсулой, маленькой черноглазой журналисткой из нью-йоркского новостного агентства «Интернешнл Ньюз Сервис». Они поболтали, вспомнили общих знакомых и договорились помогать друг другу. Как бы невзначай Урсула положила руку на плечо Клим, и он не смог удержаться от улыбки. Если не считать Адиных выкрутасов, когда с ним последний раз кокетничали дамы?

В прошлой жизни.

Всё-таки белые рубашки и шелковые галстуки способны творить чудеса.

4

Провинция Шаньдун – дикий неприветливый край: отвесные склоны, непролазные леса и низкие облака, блуждающие над горами.

Газетчикам показали место крушения «Голубого экспресса» и рассказали, как всё случилось. В два ночи машинист увидел подозрительные тени, мелькавшие на путях, попытался затормозить, но было поздно: рельсы впереди оказались разобранными. Состав полетел под откос, спящие люди попадали с полок, а сверху на головы повалился багаж.

Раздались выстрелы и страшный вой. Охрана «Голубого экспресса» сообразила, что это налет, и попрыгала кто куда. Нападавшие разбивали прикладами окна, перескакивали прямо из седел в купе и вышвыривали наружу вещи и людей. Босых, обряженных в пижамы пленников повели в горы, а грабеж продолжался до самого утра. Растащили всё: от чемоданов до дверных ручек и пепельниц.

Присланные губернатором чиновники уже приступили к расследованию происшествия, но пока удалось выяснить только одно: на «Голубой экспресс» напали местные бандиты.

Клим ходил вдоль изрешеченных пулями вагонов. В одном из разбитых окон торчал кусок стекла, залитый засохшей кровью, а рядом на стене виднелись смазанные отпечатки ладоней: кто-то попытался выбраться наружу, да так и не смог.

Потом журналисты отправились в Линьчэн – маленький городок, окруженный высокой крепостной стеной.

По грязным кривым улочкам носились ошалевшие солдаты и чиновники. Местные старики сидели на крылечках и провожали чужаков затуманенными взглядами. Их коричневые лица лучились морщинами, а вокруг ввалившихся ртов расплывались клубы густого белесого дыма – бог весть от какой травы, набитой в крохотные глиняные трубки.

Клим отправил Грину телеграмму с описанием катастрофы и первыми сообщениями официальных лиц: гарнизон Линьчэна уже выслал отряд на выручку пленникам, однако солдаты не смогли к ним приблизиться, так как бандиты использовали людей как живой щит.

В телеграфной конторе Клим вновь столкнулся с Урсулой, и та рассказала ему, что из Пекина прибыл представитель американской дипломатической миссии Рой Андерсен, который должен был вести переговоры с похитителями.

– Где он остановился? – спросил Клим.

– В своем вагоне; все гостиницы забиты. Завтра в восемь утра мистер Андерсен пообещал встретиться с журналистами.

Клим и Урсула долго бродили по городу, пытаясь найти пристанище, и в конце концов даму взяли к себе итальянские коллеги, которые сняли на ночь крытый фургон. Клим места не хватило, и он отправился назад на станцию.

Из Шанхая пришел ещё один поезд, и всё пространство вдоль путей было забито солдатами, родственниками заложников и окрестными крестьянами, которые, испугавшись бандитов, перебрались под защиту крепости.

Народу было столько, словно в Линьчэне расположился военный лагерь. Пылали костры; кто-то рыдал, кто-то пел, кто-то предлагал на продажу хворост, чай и холодный рис.

Даже под вагонами сидели люди. Клим достал карманный фонарик: так и есть, между колес прятался целый выводок ребятишек.

Луч фонаря скользнул по подножке вагона и осветил дамские туфли и белый подол платья, расшитый красными маками. Клим поднял фонарь и замер. Господи боже мой... Нина!..

Она загородилась от света и попросила по-английски:

– Уберите фонарь!

Клим нажал на кнопку, и всё провалилось во мрак.

– Хэлло, дорогая!

– Ты? – выдохнула она.

Глаза постепенно привыкали к темноте: в воздухе соткалось светлое платье с теперь уже черными маками, потом Нинино лицо в обрамлении кудрей – чудесный призрак, занесенный на край земли.

Клим ждал, что она скажет. Нина тоже ждала.

– У нас в вагоне электричество погасло, – наконец выговорила она. – Проводника нет – видно, убежал куда-то...

Удивляясь собственному хладнокровию, Клим протянул ей ладонь:

– Пойдем искать твоего проводника.

Она не оттолкнула его и, опершись на руку Клим, спустилась по ступенькам на землю.

В других вагонах с электричеством всё было в порядке: Нина то входила в золотые квадраты света, лежащие на насыпи, то вновь пропадала во тьме. Под ногами шуршали мелкие камешки; в прохладном воздухе аромат Нининых духов мешался с запахом дыма.

Довелось же встретиться! По телу Клим перекачивались волны горячей дрожи; сердце оглушительно билось, по лицу гуляла недоверчивая ухмылка. Он и верил, и не верил в случившееся.

– У тебя в Линьчэне дела? – спросил Клим.

– Да.

– Где ты живешь?

– В Шанхае.

– А чем занимаешься?

– Всем понемногу.

Нина не желала рассказывать о себе. Спрашивать ни о чем нельзя, ревновать нельзя, можно только смотреть на *свою жену* и внутренне содрогаться: «Как любил её, так и люблю; ничего не изменилось».

– Бог с ним, с проводником, – внезапно сказала Нина. – Я хотела почитать, но сейчас всё равно поздно.

Вот, собственно, и всё. Видению пора домой, в его сказочные миры.

– Ты где остановился? – спросила Нина. – Хочешь, в мое купе пойдем? У меня одно место свободное.

Словно удар невидимой бесшумной бомбы по груди.

– А Лабуда возражать не будет? – хмуро осведомился Клим.

– А я должна спросить у него разрешения?

Клим вошел вслед за Ниной в темный коридор вагона и включил фонарь, чтобы ей было легче найти свое купе. Он ждал подвоха, появления заспанного любовника или Нининых насмешливых слов: «Прости, я пошутила»... Но ничего подобного не произошло.

Она взялась за бронзовую ручку и отодвинула дверь в сторону.

– Заходи.

Купе первого класса: полуопущенная штора, смятая постель, безжизненная лампа над изголовьем.

– Чемодан закидывай на верхнюю полку, – распорядилась Нина. – Спать можешь на диване.

Клим повесил пиджак на одну из вешалок и развязал галстук. О, господи, зачем Нина позвала его к себе?

– Выключи, пожалуйста, фонарь, – попросила она и, встав одним коленом на постель, потянула вниз оконную штору.

Темнота была настолько густой, что возникла иллюзия громадного пространства – словно вокруг ничего не было, кроме вселенской пустоты.

Столько месяцев прошло, а каждый Нинин вздох, каждый шорох были знакомы. Вот она вынула гребень из волос, вот скинула туфли...

– Ты устроился в какую-то газету? – спросила Нина.

– Да.

– А где именно ты работаешь?

– В одной редакции. – Клим невольно подражал её односложным ответам.

Что он мог сказать Нине? Что числится курьером и живет в Доме Надежды вместе с пятнадцатилетней девчонкой? Что все эти месяцы он ходил по городу и всматривался в лица прохожих, надеясь случайно встретить свою жену?

Нина стояла перед ним – родная, невидимая и абсолютно недостижимая. Господи, не надо строить иллюзий: она никогда не вернется.

– Нам надо оформить развод, – произнес Клим ровным голосом. Лучше не ждать, когда Нина первой заговорит об этом.

– Ты кого-то себе нашел? – удивилась она.

– Брак – это как дом: если не живешь в нем, надо пустить жильцов или снести всё и построить что-то новое.

Чуть слышно скрипнула половица, и шелковый подол скользнул по колену Клим. Нина была так близко, что он ощущал её дыхание на своем виске.

– С разводом ничего не выйдет, – сказала она. – У нас нет свидетельства о браке, так что мы можем развестись, только поженившись заново.

Клим уже ни о чем не думал. Притянув Нину, он усадил её себе на колени. Она слабо вскрикнула: «Ты что делаешь?!», – но он прижал её голову к своему плечу и поцеловал в губы.

Штора на окне налилась пульсирующим красноватым светом – видно, снаружи что-то плеснули в костер. Невидимые люди запели хором варварскую песню, пронзительную и непонятную.

В голове у Клим царил радостный ужас: «А, будь что будет!» Его ладонь направилась по Великому шелковому пути – вниз до Нининой талии, потом вдоль бедра, туго охваченного натянувшейся тканью. Нина стиснула руку Клим, словно не хотела пускать её дальше, и тут же сама принялась расстегивать пуговицы на его рубашке.

* * *

Нелепое, восхитительное счастье: выяснить, что цепочки нательных крестов перепутались, а потом при свете фонарика разбирать их. Возиться, как подростки, устраиваясь на узком железнодорожном диване; решать, кому куда положить руку, а куда – голову, чтобы обоим было удобно. Что-то шептать, смеяться, пытаться осознать случившееся и, засыпая, блаженно вздыхать:

– Да, докатились... Нет, так нельзя...

Глава 6. Бывшие супруги

1

Тони Олман был прав: небольшой взятки оказалось достаточно для того, чтобы оформить документы в Комиссариате по иностранным делам. Вскоре на одном из домов близ Тибет-роуд появилась полированная табличка: «Консульство Чехословацкой республики», – и в жизни Нины началась новая, маскарадная пора.

Тамара запретила Нине рассказывать посторонним об ужасах большевистского переворота:

– В вашем положении искать сочувствия не только бессмысленно, но и вредно. Люди способны жалеть ближних только тогда, когда представляют себя на их месте. Вы ведь не хватаетесь за сердце, когда вам говорят об урагане в Вест-Индии? Ну так и не ждите сострадания по поводу революции в России.

– Люди не сочувствуют нам, потому что ничего о нас не знают! – горячилась Нина. – А я могу многое рассказать...

– И тогда ваши гости решат, что вы принадлежите к неудачникам, которые проворонили свою страну. Джентльмены из Шанхайского клуба уверены, что на месте русских беженцев они бы повели себя по-другому и, доведись им командовать Белой армией, они бы точно выиграли Гражданскую войну.

– Любой дурак может выигрывать войны, не выходя из курительной комнаты. Посмотрела бы я на этих вояк, если бы у них не было ни подкреплений, ни патронов, ни транспорта!

– Вы собрались их разубеждать? – улыбнулась Тамара. – Поверьте, будет куда лучше, если вы станете рассказывать о жизни европейской аристократии – эта тема всегда находит спрос.

У Тамары сохранились подшивки старых русских журналов, и Нина дни напролет изучала описания театральных премьер и дипломатических приемов, а потом пересказывала их перед зеркалом и заучивала подходящие к случаю английские слова.

Маскарад «Через сто лет» прошел с большим успехом: благодаря наставлениям Тамары из Нины получилась прекрасная хозяйка. Китайская казна недосчиталась таможенных сборов на десять ящиков шампанского, и вскоре Дон Фернандо отсчитал Нине её первый гонорар:

– Неплохо вам за танцульки платят, а? Почище, чем какой-нибудь балерине! Вы пляшите, пляшите – а мы будем денежки зарабатывать!

Через пару недель Нина пригласила новых знакомых на маскарад «Двойники знаменитостей», и эта вечеринка тоже удалась на славу. Среди гостей были три чернокожих танцовщицы Флоренс Миллз, два усатых импресарио Томаса Бичема, четыре актрисы Мэри Пикфорд и один Лев Троцкий, который приставал к дамам и требовал отдать ему «награбленные бриллианты».

Перед каждой вечеринкой Тамара давала Нине задание – вернуть в разговор нужную фразу или немного пофлиртовать с указанным господином. Она получала большое удовольствие, мороча головы бывшим друзьям.

Всё шло прекрасно, но Нина недолго радовалась успехам. Надо было смотреть правде в глаза: Тамара содержала её – точно так же, как богатые господа содержат любовниц. Нинин белый особняк, мебель и платья принадлежали Тамаре; её гости были знакомыми Олманов, а у самой Нины не осталось даже собственной биографии: она всем говорила, что переждала войну, катаясь на яхтах по Женевскому озеру.

Из-за бесконечных светских приемов фальшивое консульство было слишком на виду, и Нина содрогалась при мысли, что рано или поздно её выведут на чистую воду.

– Я и так могу проводить вечеринки для ваших знакомых, – говорила она Тамаре. – Может, нам лучше закрыть консульство?

Но та с негодованием отвергла эту идею:

– Дон Фернандо сбывает ваше шампанское секретарю губернатора. Если не будет консульства – у Тони не будет этих связей, а их было не так-то просто наладить.

* * *

Нина начала ходить по антикварным магазинам: красивые безделушки служили для нее символами богатства и уверенности в завтрашнем дне. На Рю Монтоба она покупала дымчатые акварели, фарфор и лаковые шкатулки; в магазинах на Бродвее – тончайшие вышивки и бутылочки для духов из зеленого и белого нефрита. Вскоре её дом стал напоминать музей, но это не добавило ему тепла и уюта. В жизни Нины не хватало главного: её никто не любил, да и сама она никого не любила.

Ей вспоминалось, как она лежала в объятиях Клима в их мрачной, пропахшей старьем владивостокской комнате. Он спал, ни о чем не подозревая, а она готова была визжать от отчаяния и страха перед будущим. Стены и потолок в их конуре были густо исписаны матерной бранью в адрес большевиков: раньше там жил прапорщик, который однажды напился до белой горячки и выстрелил себе в висок. Хозяйка сдала Нине комнату подешевле, потому что та согласилась отмыть от печки засохшие мозги.

Нина клялась себе, что у нее непременно появятся кровать, застланная шелковыми простынями, гардеробная комната и большая кухня с кладовой, набитой провизией. Она получила то, что заказывала, но это не принесло ей счастья.

Каждый день, бывая в доме Олманов, она наблюдала, как Тони ухаживает за Тамарой, и с изумлением думала: «У меня было всё то же самое! Как я могла не ценить этого?» А теперь единственное, что оставалось Нине, – это молча завидовать.

Она то и дело вспоминала о Климе и каждый раз обрывала себя: «Он никогда меня не простит. Да я его и не заслуживаю».

Ей надо было найти себе другого мужчину, но в присутствии *иностранцев* её одолевала напряженная неловкость, которую было нелегко скрывать. Кто бы знал, с каким облегчением Нина провожала последних гостей, засидевшихся на её вечеринках!

– Иржи, почему мы не вписываемся в шанхайское общество? – недоумевала Нина. – Люди заговаривают со мной о собаках или о матче по крокету, а мне зевать хочется от скуки. Неужели на свете нет более интересных тем? Как можно быть такими поверхностными?

Иржи разводил руками:

– Дело в нас самих. Мы с вами разучились жить по законам мирного времени, и это беда, что мы считаем глубокими только две темы – нашу эмиграцию и воспоминания о родине. Мы пострадали и, как поранившиеся дети, требуем к себе повышенного внимания. Война сделала из нас чудовищных эгоистов.

– Это мы эгоисты?! – возмущалась Нина. – Иностранцы вообще думают только о себе!

Иржи укоризненно качал головой.

– Когда вы в последний раз жертвовали на благотворительность?

– Ну... Я как раз собиралась...

– Вот то-то и оно. А ваши гости постоянно собирают деньги на приюты и больницы. И, поверьте, от этих «поверхностных» людей гораздо больше пользы, чем от дамочки, которая обворовывает китайскую казну.

Они ссорились, и после долгих баталий Иржи признавал, что он дразнит Нину только потому, что завидует её энергии и целеустремленности.

– Нет у меня никакой энергии! – злилась она. – Больше всего на свете я хочу выиграть сто тысяч в лотерею и поселиться в замке с толстыми стенами – чтобы никого не видеть и не слышать.

– Так зачем вам выигрыш? – веселился Иржи. – Сдайтесь полицейским, и вас отгородят от внешнего мира на ближайшие десять лет.

2

Однажды Нина пришла в гости к Тамаре и заметила на столе новую фотокарточку. На ней были изображены Тони Олман и белокурый джентльмен в свитере, какие носили члены яхт-клуба. Незнакомец был снят в профиль, и Нина сразу отметила его высокий лоб и волевой подбородок.

– Даниэль Бернар – один из самых удивительных людей, что я встречала, – сказала Тамара. – По национальности он чех, но во время Мировой войны он – единственный из всех – помогал гражданам Германии и Австро-Венгрии, заболевшим испанским гриппом. Здесь, в Шанхае, никто не понимал, откуда такое великодушие. Ведь чехи столетиями страдали от австрийских и немецких угнетателей!

– С таким господином не грех познакомиться, – сказала Нина. – Давайте пригласим его ко мне на вечеринку?

– Даниэля сейчас нет в Шанхае, – отозвалась Тамара. – Он уехал за границу, но скоро вернется.

Ни с того ни с сего знакомые начали рассказывать Нине о мистере Бернаре: он поставлял в Европу редкие сорта чая и произведения китайского искусства. Его образованность и утонченность уживались с мужскими страстями: спортом, политикой и охотой; при этом он был книголюб, успешный предприниматель и меценат.

Чем больше Нина узнавала о Даниэле, тем чаще поглядывала на снимок на Тамарином столе. Всё складывалось одно к одному: Нина придумала чехословацкое консульство – и Даниэль оказался чехом; он отправился в Европу – чтобы Нина успела встать на ноги; он был приятелем Олманов, через которых она могла с ним познакомиться... Тамара явно хотела свести Нину с Даниэлем – верно, она решила поиграть в сваху. Ну так тем лучше! Возможно, это и есть Нинина судьба.

Когда в газетах напечатали, что мистер Бернар оказался среди заложников с «Голубого экспресса», Нина в ужасе позвонила Тамаре:

– Что же теперь будет?

– Китайцев выкупят родственники, а представители Великих Держав поведут переговоры об освобождении своих подданных, – бесстрастно ответила миссис Олман.

Нина схватилась за сердце: за чеха Даниэля Бернара вступаться было некому.

– Мы немедленно выезжаем в Линьчэн! – объявила она Иржи. – Нам надо спасти вашего соотечественника.

– Да вы в своем уме?! – взвился тот. – Чем мы ему поможем? И с какой стати?

– Собирайтесь, вам сказано! – перебила Нина. Она не могла спокойно сидеть и ждать у моря погоды.

* * *

Линьчэн встретил их грязью и хаосом. Выяснилось, что переговоры об освобождении длятся месяцами, и Нина с Иржи действительно зря приехали.

Мест в гостиницах не было, и ночевать предстояло в вагоне.

– Я так и знал, что это была глупая идея, – повторял Иржи.

Нина словно очнулась: «Я сошла с ума... Нет никакого Даниэля Бернара, я его выдумала!»

Она долго сидела у себя в купе и думала о том, что её жизнь кончена: всё уже в прошлом, а впереди её ждет не роман с прекрасным незнакомцем, а китайская тюрьма.

Лампочка в светильнике погасла, Нина отправилась искать проводника, вышла из вагона... и встретила Клима.

3

Клим проснулся и обнаружил, что Нина перебралась к себе в постель: вдвоем спать на узком диване было слишком тесно.

Снаружи доносились голоса и фыркание паровоза – там сияло солнце и кипела утренняя суета. А в купе всё ещё царил нежный сумрак.

Клим приподнялся на локте и взглянул на спящую Нину. Уму непостижимо... Он не смел надеяться на встречу с ней, но чудо всё-таки совершилось при самых невероятных обстоятельствах.

Сильная, несносная и ослепительная Нина совсем не изменилась. Зубчатая тень от её ресниц чуть подрагивала; рука, откинута на подушку, отливала бежевым перламутром. Господи, сколь драгоценно было всё это!

«А ведь мы с Ниной никогда больше не будем разговаривать по душам», – с грустью подумал Клим.

Чтобы не отпугнуть её, он должен был пускать пыль в глаза, уклоняться от расспросов и не требовать объяснений. Нина тоже не горела желанием откровенничать. Что теперь их могло связывать? Только постель?

Клим оглянулся кругом. М-да... Мечтать о примирении было глупо. Кто-то платил за Нинино купе, духи и наряды. Она, наверное, разругалась со своим ухажером и решила изменить ему, а Клим как раз подвернулся под руку. Кем он будет при Нине? Приходящим любовником? Кольцо на её пальце стоило больше, чем он зарабатывал за полгода.

Взглянув на часы, Клим принялся торопливо одеваться: ох, без пяти восемь; не проворонить бы встречу с Роем Андерсеном!

Он снял чемодан с багажной полки, потихоньку выскользнул из купе и остановился посреди коридора. Может, всё-таки разбудить Нину? Нет, пусть отсыпается. «Вернусь и поговорю с ней, а там – будь что будет», – решил Клим.

Он вышел на площадку вагона и зажмурился от яркого майского солнца. Мимо мчались люди, как на пожар.

– Слышали новость? – подлетела к нему Урсула. – Даниэль Бернар сбежал от бандитов!

– Муж Эдны?

– Ну конечно! Вы что, не знали, что он тоже попал в плен? Пойдемте быстрее: он сейчас будет рассказывать о своих приключениях! Говорят, у него на лице сильный солнечный ожог, и бандиты решили, что Даниэль заразился опасной болезнью. Они выгнали его, представляете?

Около станционного здания собралась огромная толпа, но солдаты пропускали внутрь только представителей прессы.

В зале ожидания в плотном кольце фотографов и репортеров сидел светловолосый человек в грязной полосатой пижаме и накинутом на плечи чужом пальто. Лицо его было неестественно красным, а на носу и над бровями кожа шелушилась мелкими белыми чешуйками.

Сразу было видно, что Даниэль Бернар смертельно устал и измучился: он два дня блуждал по горам, пока на него не наткнулись солдаты и не привезли его на станцию.

– Бандиты выстроили нас в колонну и погнали в горы, – рассказывал он. – Но триста человек – это слишком большой улов: у нас не было ни еды, ни питья, а у многих – даже обуви. Джентльмен, который шел рядом со мной, знал местный диалект и слышал, что бандиты собираются отпустить женщин и детей. По их понятию, мужчины – это более ценная добыча, за которую можно получить большой выкуп.

Невысокая Урсула не могла разглядеть Даниэля из-за чужих спин.

– Власти пытались передать продукты через парламентариев: вам что-нибудь доставалось из этих посылок? – выкрикнула она.

Даниэль покачал головой:

– Бандиты выкидывали всё, кроме консервированной тушенки. Они боялись, что в еду может быть подмешано снотворное.

– Они выдвигали какие-либо политические требования? – спросил Клим.

– Ничего они не выдвигали. Деревенские парни становятся грабителями вовсе не из-за политики. У местных крестьян по пять-восемь детей, и они живут в страшной бедности из-за нехватки земельных наделов. Бандиты – это молодежь, которая не может прокормить себя ничем, кроме разбоя.

В толпу журналистов врезался невысокий пухлый господин с саквояжем под мышкой:

– Я доктор Пайпер. Прошу всех немедленно разойтись и не докучать мистеру Бернару. Ему нужен абсолютный покой!

Клим и Урсула отправились на телеграф, чтобы отослать очередные сообщения, но там уже выстроилась громадная очередь. Ждать пришлось несколько часов: где-то оборвался кабель, и его далеко не сразу починили.

– Всё-таки Эдне невероятно повезло, что её муж сумел вырваться от бандитов, – повторяла Урсула.

Клим кивал, но думал совсем о другом. Если он предложит Нине начать всё заново, что она ответит? «Давай останемся друзьями?» Или всё-таки сменит гнев на милость? Может, она не случайно сказала, что с разводом ничего не выйдет?

Отослав телеграммы, Клим чуть ли не бегом бросился на станцию, но, когда он вышел на платформу, ему показалось, что он попал не туда, куда надо: на путях стояли пустые вагоны товарняка.

– Где поезд, который вчера прибыл из Шанхая? – спросил Клим у молодого китайца в железнодорожной форме.

Тот посмотрел на него поверх круглых очков.

– Он давно уехал.

4

Нина страшно изумилась, когда обнаружила, что Клим исчез, не сказав ей ни слова. Прошлой ночью он будто забыл об их разладе, и она была уверена, что утром они покаются в прошлых грехах, посмеются над своими несчастьями, и всё как-нибудь наладится.

Она долго сидела у окна, напряженно вглядываясь в лица людей, пробегающих мимо вагона. Прошел час, другой, третий, но Клим так и не появился. Этому было только одно объяснение: он показал Нине, что она упустила, и ушел, не желая связываться с предательницей.

Теперь она проклинала себя: как можно было усомниться в Климе? Ведь он умный, талантливый и способный на большие поступки! Подумать только: не прошло и полугода, как он устроился в Шанхае, и, судя по всему, гораздо лучше, чем его непутевая жена.

Нина бросила Клима не ради кого-то другого, а ради несуществующего «более подходящего мужчины», который должен был появиться в будущем. Увы, свобода не принесла ей ничего, кроме добровольного, но всё же унижительного рабства у Тамары. Что касается истории с фотокарточкой Даниэля Бернара, то это было свидетельство полного фиаско.

Если бы Нина не ушла от Клима, она бы получила всё, что хотела, и при этом сохранила семью, доброе имя и чистую совесть. А теперь как быть? Проситься к нему назад? Да примет ли он её – тем более когда узнает, в какую аферу она впуталась?

Раздался стук в дверь, Нина вскочила – но это был всего лишь Иржи.

– Даниэль Бернар сбежал из плена! – взволнованно проговорил он. – Он поедет в Шанхай на нашем поезде!

Обессиленный от разочарования, Нина опустилась на диван. Да пошел он к черту, этот Даниэль Бернар! Какое ей до него дело?

В конце коридора послышался голос проводника:

– Господа, поезд отправляется через пятнадцать минут! Просьба приготовить обратные билеты.

Нина взглянула на часы: полвторого. Клим не вернется; он ведь сразу сказал, что хочет развестись.

– Вы в порядке? – обеспокоенно спросил Иржи. – На вас лица нет...

– Мы едем домой, – упавшим голосом отозвалась Нина.

5

Иржи то и дело стучался в Нинино купе и пересказывал, что происходит с Даниэлем Бернармом: то он сходил пообедать в вагон-ресторан, то к нему с визитом явился начальник поезда.

Нина не выдержала и спряталась от Лабуды на открытой площадке последнего вагона – чтобы хоть немного побыть в одиночестве.

Стучали колеса, ветер гнал волны по зеленым полям гаоляна, а Нина стояла, вцепившись в поручень, и плакала.

Ее раскаяние сменились гневом.

– Мы ещё посмотрим, кто кого! – шептала она. – Ты ещё сам обо всём пожалеешь!

Двери разъехались в стороны, Нина повернулась и в испуге отпрянула: на площадку вышел человек с багровым шелушащимся лицом. Это был «герой её романа» – Иржи описал Нине его внешний вид.

Закурив, Даниэль подошел к перилам, и они с Ниной долго стояли в молчании. Время от времени она бросала на него недоуменные взгляды: в жизни мистер Бернар оказался угловатым, взъерошенным типом с излишне резкими движениями.

Он тоже поглядывал на Нину.

– У вас очень интересное лицо, – произнес Даниэль. – Никогда раньше не видел такого.

Нина посмотрела на свое отражение в застекленной двери и охнула: она была чумазой, как шахтер. Оказалось, что поручень, за который она держалась, был перемазан в паровозной копоти и, вытирая слезы, Нина испачкала себе щеки.

– Что же вы ничего не сказали?! – возмутилась она. – У вас есть носовой платок?

Даниэль улыбнулся.

– Есть, но я его вам не дам. Если вы превратитесь в нормальную женщину, у меня не хватит духу разговаривать с вами. А так мы даже дополняем друг друга: красное и черное хорошо смотрятся вместе.

Нина растерялась, не понимая, над кем он иронизирует – над ней или над собой.

– Давайте считать себя драгоценностями, спрятанными под невзрачной оболочкой? – миролюбиво предложил Даниэль. – Вы когда-нибудь слышали историю об Императорской печати Китая?

– Вам что, поболтать не с кем? – нахмурилась Нина.

Даниэль пожал плечами:

– Мне показалось, что с вами болтать приятнее, чем с начальником поезда: он мне до смерти надоел. Так слушайте историю: давным-давно человек по имени Бянь Хэ нашел среди холмов кусок нефритовой породы и отнес его князю. Увы, беднягу прогнали со двора. Когда на престол взошел следующий правитель, Бянь Хэ предложил ему свою находку, но опять ничего не добился. Только третий князь распознал, что имеет дело с редким сокровищем. Он повелел вырезать из нефрита символ неба – ритуальный диск *би*, и вскоре слава об этом разнеслась по всему Китаю. За драгоценный би отдавали города и разрушали царства, и через сотни лет он оказался в руках императора Цинь Шихуанди, который сделал из него наследственную печать. Тот, кто владел ею, получал мандат Небес на правление империей. Мораль: не спешите отвергать неказистые куски породы.

Даниэль явно имел в виду себя, но Нине почудился в его рассказе намек на Клина.

– А где сейчас эта печать? – спросила она.

– Больше тысячи лет её передавали из поколения в поколение, а потом она пропала при невыясненных обстоятельствах. Достоверно известно только одно: у последних двух династий не было мандата Небес, и дело кончилось распадом империи.

Оказалось, что Даниэль может бесконечно рассказывать о способах выделки фарфора, древних свитках и великих библиотечных катастрофах, во время которых завоеватели месяцами жгли трактаты, накопленные поколениями мудрецов. Его истории были настолько увлекательными, что Нина забыла даже о копоты на щеках.

Два часа пролетели как не бывало. Можно было только удивляться тому, как быстро Даниэль сумел расположить её к себе. Всё-таки Нина не могла устоять против великолепного образования и чувства собственного достоинства, приправленного легкой самоиронией.

Но дело было не только в этом: им обоим была нужна доза «обезболивающего», лишь бы не думать о недавних бедах. Нина боялась оставаться наедине с мыслями о Климе, а Даниэлю надо было прийти в себя и осознать, что не будет больше ни убийств, ни унижительных обысков, ни многочасовых переходов по горам. Теперь он мог стоять на площадке вагона и, покуривая хорошие сигареты, беседовать со случайной попутчицей об истории.

Они решили вместе поужинать. Нина сходила умыться и явилась в вагон-ресторан с подправленной прической и чуть подкрашенными губами.

– Если бы бандиты не забрали мой багаж, я бы тоже принарядился к вашему приходу, – сказал Даниэль. – У меня в чемодане имелся дивный немецкий противогаз, купленный на блошином рынке.

Тамара оказалась права: мистер Бернар был необыкновенным человеком.

6

Всю дорогу до Шанхая Нина почти не расставалась с Даниэлем: ей было безумно интересно с ним.

«Может, это действительно судьба?» – в смятении думала она. Представить его своим любовником было невозможно, но ведь обгоревшее лицо заживет, а к неприятно резким движениям можно привыкнуть.

«Мне срочно нужна новая любовь, – повторяла себе Нина. – Климa всё равно не вернуть, а жить одна я не могу».

Наконец поезд подъехал к Северному вокзалу, и пассажиры высыпали на перрон.

Гудели голоса, раздавались свистки паровозов и выкрики носильщиков. По ногам гулял горячий воздух, вырывавшийся из-под платформы.

Нина так разволновалась, что позабыла всё, что собиралась сказать на прощание. Даниэль тоже молчал и нервно вертел в руках её визитную карточку.

– Я рад, что мы познакомились... – начал он, но тут к нему подлетела молодая женщина в клетчатом костюме.

– Жив! – крикнула она, бросаясь ему на шею.

Нина в изумлении смотрела на нее: господи помилуй, кто это?!

Лицо Даниэля приняло бесстрастное выражение – будто он находился на деловой встрече.

– Эдна, позволь представить тебе мисс Нину Купину. Нина, это моя жена Эдна.

Место миссис Бернар было уже занято.

Эдна поздоровалась с Ниной и тут же забыла о её существовании.

– Пойдем, машина уже ждет нас! – позвала она Даниэля.

Он последовал за ней и даже не оглянулся. Потрясенная Нина смотрела им вслед.

– Неужели мистер Бернар не признался вам, что он женат? – съязвил Лабуда, появляясь на подножке вагона. – Какой негодяй! А вы сказали ему, что вы замужем? Нет? Наверное, тоже запомнили.

– Когда-нибудь я вас выгоню, шут гороховый! – сквозь зубы процедила Нина, но Иржи лишь рассмеялся:

– Смиритесь, ваше величество: я – единственный мужчина, которого вы заслуживаете. И, в отличие от ваших принцев, я никогда вас не брошу.

Глава 7. Драка в ресторане

1

Раньше никто из белых девушек Шанхая не соглашался танцевать с китайцами, но с приездом русских всё поменялось. Для того чтобы устроиться такси-гёрл, не надо было знать английский язык, и сотни иммигранток растеклись по портовым кабакам. Они кормили целые семейства за счет фокстротов, танго и единственной фразы: «Дорогой, купите мне бутылочку вина!» Им было всё равно, кто их приглашал – белые, желтые или черные, – лишь бы клиенты платили деньги.

Всё западное, а особенно танцевальные вечеринки, вызывало у молодых азиатов жгучее любопытство, и владельцы ресторанов быстро смекнули, что на китайских парнях и русских девушках можно заработать неплохие деньги.

Дела в «Гаване» шли плохо, и Марта тоже велела охране пускать цветных посетителей.

– Класс заведения падает! – возмущалась Бэтти. – Это что же получается? Теперь любой китаец сможет заплатить пятьдесят центов и прижаться к белой даме?!

Сама она была бразильянкой, и её лишь с большой натяжкой можно было назвать белой, но на этот счет с Бэтти никто не спорил: оскорбившись, она могла дать в морду.

Она объявила хозяйке, что ни за что не станет танцевать с узкоглазыми, и Марте пришлось смириться: у Бэтти и так было полно клиентов, и ссориться с ней не стоило.

Остальным девушкам Марта велела не строить из себя недотрог, но такси-гёрл тайком договорились с управляющим, чтобы тот направлял всех китайцев к безответной Аде. А ей даже пожаловаться было некому: Клим уехал и оставил её одну.

Ада была избавлена от позора только по пятницам: в этот день у американских морпехов была получка, они гуляли до утра и цветные даже не совались в «Гавану».

Поначалу Ада надеялась познакомиться с каким-нибудь хорошим моряком, который влюбится в нее и увезет с собой в США. Между такси-гёрл ходили слухи о русской красавице из ресторана «Черные очи», которая вышла замуж за капитана военного крейсера. Если у нее получилось, то почему у Ады не получится?

Но Марта, подслушавшая разговоры такси-гёрл, сказала, что американские офицеры не берут за себя портовых девок, а матросы и морские пехотинцы могут обещать всё что угодно – им всё равно не дают жениться без позволения начальства.

– Если хочешь замуж, пригляди себе богатого старичка, желательно лысого и беззубого, – советовала Аде Марта. – Такие привыкают, что женщины на них не смотрят, и на радостях могут не только жениться, но и завещать тебе весь капитал. Ты лет десять промучаешься с ним, а потом овдовеешь.

Аду аж передергивало от её слов.

2

В ту пятницу вечер с самого начала не задался: Аду никто не приглашал. К тому же в «Гавану» явились итальянские моряки с крейсера «Либия», а у них с американцами были давние счеты, и такси-гёрл заранее нервничали: вдруг клиенты передерутся между собой?

Ада сидела за стойкой, щелкала семечки и смотрела, как итальянский матрос танцует с Бэтти. Он крутил её так, что длинная бисерная бахрома на её платье разлеталась, словно брызги.

За соседним столом развалился американский капрал: он был пьян, курил одну сигарету за другой и, если его окликали, огрызался, как старый бульдог. Он первым пригласил Бэтти, но она удрала от него к итальянцам, и теперь морпехи насмехались над ним.

«Хорошо бы охрана выпроводила его, а то он натворит дел!» – думала Ада, разыскивая взглядом управляющего.

Тот разговаривал с молодым японцем и показывал ему на Аду. Судя по вееру танцевальных билетов, клиент собирался потратить в «Гаване» немало денег.

Ада приосанилась, но по пути к ней японец нечаянно задел капрала. Ухватив парня за грудки, тот что есть силы толкнул его к итальянцу. Все вскочили, музыка оборвалась, и только дурной барабанщик продолжал размеренно бить колотушкой.

– Полиция! – тонко вскрикнула Ада, но на нее никто не обратил внимания.

Отодвинув Бэтти в сторону, итальянский матрос сначала ударил японца, а потом врезал по роже капралу. Морпехи кинулись их разнимать, такси-гёрл завизжали, а вскочивший на ноги японец вдруг выхватил револьвер и пальнул в обидчика.

Звук от выстрела был таким громким, что у Ады заложило уши. Она думала, что итальянец сейчас упадет, обливаясь кровью, но он продолжал дубасить поверженного врага.

Ада почувствовала обжигающую боль в левой лодыжке.

– её ранили! – заорала Бэтти, но Ада не поняла, о ком идет речь. Лица вокруг нее поплыли, и она потеряла сознание.

3

По дороге в больницу Марта страшно ругала цветных – в особенности японцев, которые хватаются за оружие по любому поводу.

– Хорошо хоть он в тебя попал, а не в клиентов, – сказала она Аде. – А то бы мою «Гавану» мигом закрыли.

Ада кивала, всхлипывая и дрожа. её трясло не столько от боли, сколько от ужаса: «Ведь меня могли убить!»

Лысый доктор с моноклем на шнурке наложил Аде швы и забинтовал ногу.

– Ничего страшного, кость не задета, – сказал он. – Через месяц заживет.

Ада схватилась за сердце.

– Как же я буду танцевать?!

– Никак! – отрезал доктор. – Будешь дома сидеть, если не хочешь без ноги остаться.

– Очень мило... – пробормотала Марта и выругалась.

Она довезла Аду до Дома Надежды и помогла ей подняться в комнату.

– Где Клим?

– Я не знаю, – жалобно отозвалась Ада. – Он уехал две недели назад и даже не сказал куда.

– Если полицейские сунутся к тебе, говори, что сама о гвоздь поранилась, – сказала Марта на прощание.

Ада долго сидела в темноте. Она не могла не то что сходить за провизией, а даже принести себе кипятка из кухни. Как она будет прыгать по лестнице на одной ноге? Даже вынос ночного горшка теперь был непосильной задачей, и Ада похолодела, подсчитав, сколько ей придётся заплатить за это соседским мальчишкам.

Она попробовала ступить на раненую ногу. Ой, нет, больно!

Всё кончено: этот японец убил её. Клим нет, и неизвестно, когда он вернется, а сама Ада не сможет работать и очень скоро умрет от голода. Чэнь придёт за квартирной платой и найдёт высохший трупик под одеялом.

Ада запалила свечу и достала из-под подушки мятую бумажную иконку.

– Господи, пожалуйста, сделай что-нибудь! Я ведь пропаду, понимаешь?

Намолившись и нарыдавшись, она попыталась забраться к себе на верхние нары, но не смогла и уснула на постели Клим.

4

Утром Аду разбудили голоса, доносившиеся с улицы. Перед воротами Дома Надежды стояла Бэтти, разряженная в пышную юбку и красный жакет с воротником из перьев. Чэнь не хотел её пускать, но та обдала его такой задиристой бранью, что хозяин отступил.

Бэтти поднялась в комнату Ады и, грохнув дверью о стену, остановилась на пороге.

– И ради этого скворечника ты готова танцевать с китайцами? Ну и дура!

Она подошла к столу и вытащила из сумки консервы, печенье и копченую колбасу.

– Вот тебе еда на первое время. Мы с девчонками решили, что будем навещать тебя, пока ты не поправишься.

– Спасибо! – растроганно прошептала Ада.

Бэтти уселась на табурет и, достав папиросы, закурила:

– Слушай меня: в твоём положении не иметь денег просто опасно. Лови момент, пока ты малолетка, и переводись на второй этаж. Я знаю, о чем говорю: мне тоже было несладко, когда я приехала в Шанхай. Я служила буфетчицей на пароходе, а меня списали на берег за приставание к пассажирам. Капитан сказал, что я тут сдохну, – а я, как видишь, не пропала.

Ада смотрела на нее такими глазами, что Бэтти расхохоталась:

– Я тебе добра желаю! Запомни: мужчины любят красивых, смелых и гибких. Ты на шпагат садиться можешь? Нет? Ну так научись! А ещё смотри, что работает...

Бэтти выкинула окурочку в окно и, сняв шляпку, согнулась пополам и встала на руки. Упавший подол накрыл её с головой.

Ада изумленно смотрела на её черные чулки и белоснежные панталоны с лентами.

– Ну как? – спросила Бэтти из-под юбки.

– Впечатляет, – сказал, появляясь в дверях, Клим.

Ада ойкнула.

Бэтти, махнув ногами, перевернулась и кокетливо поправила причёску.

– Здравсьте-здасьте! А мы уж заждались тебя.

Она похлопала по плечу пунцовую от смущения Аду.

– Ты гляди, какой он у тебя красавец стал! И костюмчик новый, и галстук... Ну ладно, голубки, я пошла, а вы воркуйте на здоровье. Но ты, Ада, подумай над моим советом – а то твой сожитель исчезнет и оставит тебя без гроша.

Подхватив шляпку и сумку, Бэтти вышла.

– Я ей сто раз повторяла, что вы не мой сожитель! – возмущенно проговорила Ада.

Клим сел рядом с ней на постель:

– Что у тебя с ногой?

Ада рассказала ему про стрельбу в «Гаване».

– Извини, – проговорил он, опустив глаза.

У него был такой вид, будто он обвинял себя в том, что случилось.

– У меня есть хорошая новость: меня повысили на службе, и теперь я стану получать по тридцать долларов в неделю. А потом, даст бог, ещё больше.

Ада даже представить себе не могла такую кучу денег.

– Ой, как здорово! Значит, мы не пропадем, да? – У нее затряслись губы. – А ведь Бэтти уговаривала меня пойти в проститутки, и я думала, что соглашусь...

Клим нахмурился.

– Пообещай, что никогда не станешь продажной девкой!

– А вы пообещайте, что никогда не бросите меня! Вы ведь меня любите, правда?

– Ну... Как тебя не любить?

Клим встал и отошел к окну, словно испугался, что Ада бросится ему на шею.

– Не будь мы с тобой дураки, мы вполне могли бы быть счастливы, – задумчиво проговорил он. – Но нам подавай луну с неба: ты мечтаешь об Америке, а я бы хотел... – Клим вздохнул и закрыл окошко. – Ладно, не важно.

– Вы и вправду дурак! – вырвалось у Ады. – Вы что, до конца дней собрались хранить верность своей Нине? Нужны вы ей, как прошлогодний снег!

– Да я и сам себе не особо нужен, – вдруг разозлился Клим и вышел из комнаты.

Ада запустила ему вслед подушку. Как это унижительно, когда кто-то любит так сильно – и не тебя!

5

Записная книжка «Доходы и расходы»

Стоит мне хоть на миг снять маску деловитого и невозмутимого человека, как Ада начинает подтрунивать надо мной: «Опять жену вспомнили?» Я отнекиваюсь, но она, к сожалению, права: я всё ещё чувствую на себе отпечатки Нининых ладоней – как ссадины, когда крови нет, а больно.

Я всё время думаю о своей жене.

Нина взвесила мое сердце на ладони и отправила его в мусорный бак, и меня обуревают жажда найти её и потребовать объяснений: что это было? Извини, но со мной нельзя так поступать!

Эх, неумение проигрывать – страшная штука!

Благодаря репортажам из Линьчэна продажи нашей газеты удвоились, и мистер Грин официально посвятил меня в журналисты. Отныне у меня есть собственный рабочий стол, ящик для писем и удостоверение «Пресса» с фотографией, на которой я выгляжу как солдат с плаката «А что ты сделал для победы?».

Наш с Адой быт тоже наладился. Мы сняли двухкомнатную квартиру этажом ниже – с уборной и кухней, но без электричества.

Я отговорил Аду возвращаться в «Гавану» и пообещал давать денег на карманные расходы, но, кажется, моя доброта когда-нибудь погубит меня. Первым делом Ада купила у белошвеек развратные панталоны в кружевах и теперь целыми днями учится стоять на руках – с явным намерением соблазнить меня. Я скрываюсь от нее в своей комнате, но она ломится в дверь и просит поддержать её за ноги:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.